Кадетская ПЕРЕКЛИЧКА

No 25

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов За рубежом, Нью-Йорк, США

№ 25 Нью-Йорк Сентябрь 1980

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine
Published by Association of Russian Cadets graduated outside of Russia, Inc.
New York, USA

Subscription price $ 12.00 USA for three issues
4.00 USA per single copy

Founder
Paul Olferiev

—

Managing Editor
Nicholas W. Koziakin

—

Administrador
V. Glinin
43 Dickinson St.
Glen Cove, N. Y.
11542

ОГЛАВЛЕНИЕ

НАШЕ ПОКОЛЕНИЕ.

Давно уже А. Н. Родзевич предложил редакции напечатать в журнале статьи о нашем послереволюционном поколении. Конечно интересно бы было рассмотреть и осветить жизнь всего поколения во всероссийском масштабе, но этот труд нам не под силу т. к. потребовал бы создания исследовательского института и доступа исследователей к тем архивам, которые еще для них не открыты. Поэтому, принимая его идею мы ограничиваем ее только поколением изгоев, покинувших свою родину после революции. Однако мы не можем совершенно обойти молчанием ту часть нашего поколения, оставшегося в России, жертвы которого были неисчислимы, также как и жертвы творческой части их отцов. Молодежь, воспитанная на традициях старой России, сидевшая еще, в момент революции, за ученическими партами и встретившая на самой заре своей жизни болтливый и беспомощный февраль и насыщенный ненавистью октябрь, было сметено с русской арены. Большинству доступ к образованию был закрыт, многие сломали свою жизнь в колониях беспризорных или были причислены к ново-созданному сословию «лишенцев». Пришедшие к власти варяги направили все свои усилия к обезглавлению русского народа. И до сих пор экономический уровень его жизни ниже уровня жизни других народностей, населяющих пределы СССР или входящих в его орбиту. И теперь еще он лишен права свободного выезда заграницу и преследуется за малейшее проявление русского возрождения. Как следствие ограничений и экономических лишений, согласно последней переписи среди русского населения резко упал процент рождаемости, находясь сейчас на грани угрожающей его вымиранию. Очень характерен новый анекдот, недавно перешедший границу Советского Союза: К очереди, столпившейся перед мясной выходит заведующий и предлагает татарам идти домой, т. к. баранина уже распродана. Через некоторое время он объявляет, что евреи могут уходить, т. к. куры все распроданы, и наконец, обращаясь к русским он сообщает, что все кости уже распроданы и русским незачем дольше стоять в очереди. Видимо и поколение наших современников, вышедшее на смену лишенцев из народной толщи все еще лишено свободного развития. Но об этой части нашего поколения мы мало знаем, судить его действия не можем и поэ-

тому, в ожидании статей компетентных лиц, ограничиваем свой поиск его заграничной ветвью.

У каждого поколения есть свой лейт мотив, определяющий его жизнь и деятельность, музыка которого основана на идеалах, верованиях, надеждах и творческой устремленности данного поколения. Его же судьба и значимость зависят от его умения откликнуться на призыв эпохи и его исторического и социального момента, а способность приложить «философию поколения» к практическим целям поможет создать гармоничное творчество нации. Когда идеалы поколения интенсивны, оно полно энтузиазмом творчества, и имеет перед собой светочь будущего — не закончена еще жизнь поколения, оно еще движется вперед и продолжает творить. Когда же порывы становятся рассудительными, идеалы умеренными — у поколения остается только прошлое, творчество его исчерпано и на смену ему приходит новое поколение. Этим и определяется временной промежуток в который укладывается жизнь одного поколения. В условиях эмиграции этот промежуток оказался не связанным с нормальным в иных условиях физическим периодом творческой жизни поколения, протянулся от конца двадцатых годов, когда закончилось становление зарубежного поколения, почти до наших дней. Объясняется это, вероятно, тем, что на протяжении всего этого периода времени «философия поколения» оставалась неизменной, подвергаясь лишь незначительным колебаниям, обусловленным внешними причинами. Вторая мировая война оказала влияние скорее на тактику и стратегию действий и, за малым исключением, не изменила основных стремлений поколения.

Изучение необычайного исторического явления, известного под названием «первая эмиграция», которая, после начальных трений, основательно переплелась со «второй», будет очень затруднено тем обстоятельством, что хотя она и документировала очень обстоятельно эпоху Первой мировой и гражданской войн, она была весьма небрежна в сохранении исторической памяти зарубежья, что особенно относится к нашему поколению. Под нашим поколением мы подразумеваем тех, кто оказался в эмиграции в юношеском возрасте или родился вне пределов России и продолжает считать русскую культуру своей культурой и отечеством Россию. Старшее поколение больше побеспокоилось о мемуарной бытовой литературе, оставляя будущим исследователям значительный материал, по которому они смогут установить не только миро-

понимание того поколения, но и ту среду и быт, в которых протекала его жизнь. Зарубежное поколение это забыло сделать.

Нам кажется, что весь исторический период интеллектуального существования первой эмиграции представляет собою феномен, уже потому, что, начиная с конца двадцатых годов в ней почти мирно существовали два поколения. Отцы и дети. Вначале отцы доминировали. Дети, начавшие с «ничего», зализав раны гражданской войны и великого исхода, заканчивали образование и начали, осмысливая происходящее, искать свое место среди обломков прошлого. В этот период и началось становление нашего поколения, окрепшего уже на чужбине. К чести поколения следует сказать, что только незначительная часть его избрала путь ассимиляции. Основная же масса, сохранив свою приверженность России, вступала первыми робкими шагами в жизнь, окруженная со всех сторон раздорами поколения российского краха и выходила на тернистую российскую дорогу в необычайно тяжелых условиях. Поистине можно считать чудом, что зарубежное поколение, названное Варшавским «забытое поколение», не исчезло в небытие.

В наследство от предыдущего поколения мы получили абстрактную любовь к уходящей в туман времени России почти без всякой практической возможности служить ей и жить для нее и очень не абстрактное недоумение почему наша жизнь сломалась не успев расцвести. Старшее поколение в своем разочаровании все глубже и глубже уходило во взаимные обвинения в совершенных и кажущихся ошибках, что конечно не могло привлечь нас к ним. Их взаимные нападки звучали нам как самооправдание, а не как призыв к служению и будущему строительству. Тот факт что ни одно из политических направлений прошлого не сдало практического испытания также располагал нас к осторожности. Старые политические партии не имели пополнения.

Одно только белое воинство, оставаясь крепко спаянным, продолжало вести активную борьбу с покорителями российского народа и верить в весенний поход. И мы потянулись к ним. Но годы шли, весны сменяли одна другую, деятельная борьба с гибелью генералов Кутепова и Миллера утихла, головы все ниже склонялись под бременем лет и наш первый порыв сменился у многих желанием построить вначале самих себя, чтобы потом служить России по своему разумению. Уни-

верситеты Европы захлестнула волна русской молодежи. Это был первый правильный шаг молодого поколения. Правда, вначале казалось, что это была самоцель. Мы действительно внешне жили полной личной жизнью. Учились, веселились, влюблялись, а в глубине души чувствовали пустоту, отсутствие почвы под ногами, отсутствие главной цели жизни, отсутствие родины.

Многие из нас стали известными специалистами и культурными деятелями, видными учеными, хорошими врачами и инженерами и казалось, что это поколение будет потеряно для России, хотя и достигнет высокого интеллектуального уровня в общем строительстве послевоенной цивилизации и внесет свою лепту в создание культурных ценностей буйно развивавшегося 20-го века. Но оторваться от нее мы не могли. Мы были одновременно людьми восточной и западной культур и умели сочетать в себе духовные ценности с прогрессом цивилизации и сопоставлять качества обоих миров. Некоторые считали, что миссия нашего поколения заключается в сохранении русской культуры, в те времена попираемой у себя на родине. Было тогда в моде одно стихотворение, заканчивавшееся словами: «...и за то что нас родина выгнала, мы по свету ее разнесли». И действительно разнесли. Русские театры, певцы, композиторы, музыканты, балет, шахматы, профессура занимали завидное место в европейских культурных начинаниях. Сохранение русской культуры почетное задание. Однако под влиянием бурных тридцатых годов и идеологий, владевших умами Европы мы поняли, что мы не можем больше стоять в стороне в надежде что-то уберечь и сохранить. Нам надо было найти себя, свою правду, и мы с головой окунулись в поиск путей к той вечной России, без которой нет и быть не может мира в мире. Труден и порой трагичен был путь от бунта против наследства оставленного нам русской интеллигенцией с ее либерализмом, преклонением перед Европой, и интернационализмом, приведших Россию к большевизму. «Правое» перестало быть символом верности, «левое» привело к марксистскому террору и потеряло значение справедливости. У нас начали укрепляться политические взгляды и зародились первые политические организации. И хотя каждая из них развивалась своими путями и по своему болела за судьбы и жизнь своего народа, во всех чувствовалось стремление отмежеваться от поколения российского краха и его бессмысленных распрей, в которых уже нельзя было отличить правду от озлобления.

Два новых наиболее сильных движения завоевали молодую эмиграцию. «Молодая Россия» — младороссы и Национально-Трудовой Союз Нового Поколения. Оба состояли в большинстве из молодых офицеров гражданской войны и молодежи, окончившей средние школы уже за границей.

Движение младороссов было основано в Мюнхене в 1923 г. на основе русского национализма. Во время войны руководство движения предложило французскому «резистансу» использовать свои значительные и неплохие кадры. По окончании войны это же руководство вернулось в СССР. Организация перестала существовать.

НТС, основанный в 1930 г. в Белграде быстро впитал в себя подобные ему молодежные организацие в Болгарии, Париже, Берлине, Праге, Польше, Прибалтике и даже появился на дальнем востоке, где очень сильны были фашисты Родзаевского. Разработав собственную национальную идеологию эта организация вступила на путь открытой борьбы с советской властью оставаясь в те времена вполне независимой русской молодежной организацией.

Однако эти две политические, очень активные организации, не охватывали все зарубежное поколение. Большая часть его осталась не организованной, желая сохранить свободу мышления. Значительная часть военной молодежи примкнула или была очень близка к Обще-воинскому Союзу белых воинов. В этой группе, как и среди тех, кто примкнул к НТС, многие погибли в борьбе с коммунизмом до и во время Второй мировой войны.

Вторая мировая война вызвала разнообразную реакцию, диапазон которой начинался с активного участия в борьбе с коммунизмом в рядах русских формирований в составе войск центральной оси и заканчивался борьбой с силами этой оси в рядах «резистанса», возникавшего в оккупированных осью странах. Между этими полюсами находилась значительная часть нашего поколения, участвовавшая в конфликте как «третья сила» или стоявшая в стороне, считая, что ни одна из воюющих сторон не принесет вечной России свободу и счастье. Они не верили ни западу ни национальному или интернациональному социализму.

Казалось бы, что размах этого диапазона должен был вызвать раскол поколения, взаимную ненависть и состояние «гражданской войны» в мышлении отдельных группировок. Однако, за незначительными исключениями, это не случилось.

Вероятно потому, что поколение наше было спаяно очень сильным цементом, качество которого оказалось крепче тактики наших действий. Объединяла нас глубокая, бескорыстная, и, в сущности, неразделенная любовь к России. Она и была той огромной моральной силой, на которой, как на незыблемом фундаменте, было построено необычно крепкое здание нашего поколения. В страшные годы войны это был важнейший критерий по которому каждый из нас решал где и как служить России. В те времена прозреть истину, скрываемую завесой пропагандной лжи, было чрезвычайно трудно. Вот почему мы избегали взаимную критику и не осуждали тех, кто избрал дорогу иную, чем та, которую избрали мы сами. Как легко сейчас утверждать кто избрал правильный путь в те ответственные годы, и как сложна и запутана была действительность, зачастую непонятная и замененная надеждой.

Этим сжатым наброском основных вех, отмечавших жизненные этапы нашего поколения, мы открываем отдел в журнале, посвященный ему и предлагаем желающим принять участие в более подробном освещении путей по которым развивались его ветви. Делаем это мы не для полемики или утверждения исключительной правоты одного из его направлений, а для беспристрастного анализа поколения в целом, чтобы подведя итог нашему разнообразию найти ответ на вопрос — КТО ЖЕ МЫ? Что принесли мы как дар поколения нашему веку и чем обогатили сокровищницу вечной России.

Напомним читателям, что мы уже в течение последних двух лет на страницах журнала давали статьи на общую тему «Кадеты в смутное время», освещая дружную реакцию военной молодежи на революцию. Кадеты разбросанные по всей территории необъятной России от Пскова до Хабаровска с подозрением отнеслись к февралю и ответили оружием октябрю. В прошлом номере мы поместили статью Б. Ганусовского, участника вооруженной борьбы во время последней войны. В этом номере мы даем две статьи. Главу из книги Н. Февра «Солнце восходит на западе», которая освещает точку зрения журналиста не присоединившегося ни к одной из боровшихся сторон, и главу из книги А. Казанцева «Третья сила». Казанцев участвовал в деятельности НТС на территории Советского Союза. Эти три статьи, хотя и написаны лицами различных убеждений, по духу очень близки друг другу. Предоставляем их на суд читателей. **Н. В. Козякин.**

МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ ЭМИГРАЦИИ

ГЛАВА ИЗ КНИГИ НИКОЛАЯ ФЕВРА

«Солнце восходит на Западе».

Резкий толчек поезда отрывает меня не только от вокзального перона, но и от годами налаженной и устоявшейся жизни. Медленно проплывают мимо обгоревшие скелеты белградского вокзала. Поезд со скрипом вползает на только что починенный, после подрыва, мост через реку Саву и осторожно добирается до другого берега. Из окна вагона я вижу так хорошо знакомую мне серожелтую полосу реки, которая сегодня легла резкой гранью не только между мной и городом, оставшимся по ту сторону ее, но и между двумя совершенно различными этапами моей жизни.

Мерно укачивающий ход поезда располагает всегда к раздумью. Невольно поддаюсь этому, неписанному для всех пассажиров всего мира, закону и пробую восстановить в своей памяти главные вехи того пути, который судьба проложила между моими «вчера» и «завтра».

—

Начало войны Германии против Советского Союза застало меня в столице Югославии, Белграде, где я находился в то время на положении профессионального журналиста и русского эмигранта.

Последнее обстоятельство может сразу же внести сомнение в душу читателя относительно сказанных мною выше слов об отсутствии у меня предвзятого отношения к большевизму.

Однако, для того чтобы между мною и читателем не было никакой недоговоренности, я должен сразу же рассеять это сомнение ссылкой на то обстоятельство, что когда 20 января 1920 года английский угольщик «Вотан», стоявший на одесском рейде, принял меня в свою неуютную утробу для того чтобы сделать из меня политического эмигранта, в моем ученическом билете значилось, что я был кадетом Киевского Кадетского Корпуса и имел двенадцать с половиной лет отроду.

Таким образом, в момент оставления мною родины, мое отношение к большевикам исчерпывалось лишь чувством благодарности за то, что они оторвали меня от скучной школьной парты и бросили на огромный английский корабль, ко-

торый повезет меня не то в Турцию, не то в Африку, а может быть даже в саму Америку, родину Всадника без головы, Кожаного чулка и Ястребиного когтя.

То обстоятельство, что корабль привез меня не в Америку, а на Балканы и забросил в недра Боснии, в течение всех лет, отданных средней школе, не изменило моего отношения к большевизму, тем более, что боснийские минареты, фески и чадры, до некоторой степени вознаграждали за отсутствие майн-ридовской экзотики.

Позже — университет и затянувшийся на несколько лет жестокий поединок с жизнью за право занять в ней какое-то место, тоже мало способствовали вдумчивому освоению того, что произошло на моей родине и выяснению собственной позиции в этом вопросе.

А еще позже, читая советскую и эмигрантскую литературу о революции и гражданской войне, а равно советские и эмигрантские газеты, отражавшие, каждые по своему, нынешнюю жизнь на родине, я одинаково не верил полностью ни тем, ни другим, предполагая, что правда находится где-то по середине.

Поединок с жизнью, окончившийся временной победой, вывел меня на дорогу журналиста. Но я никогда не работал ни в одной эмигрантской газете. Узость тем, затрагиваемых в них меня угнетала, а старые и непонятные счеты, сводимые на их страницах представителями потонувшаго мира, действовали на меня отталкивающе. Еще меньше интересовали меня многочисленные эмигрантские организации и я никогда не состоял ни в одной из них.

Я был представителем того поколения русской эмиграции, которое выросло и сформировалось на чужбине. А это обстоятельство не могло не сказаться на нашем поколении. И оно сказалось по разному. Молодое эмигрантское поколение в общем делилось на три неравные по количеству группы. Первая группа, к чести нашего поколения самая малочисленная, состояла из тех, кто совершенно отрекся от всего русского и растворился в новой среде, стараясь, сделаться хорошим французом, немцем или сербом. Вторая, более значительная группа, двинулась по старым проторенным политическим тропам, пытаясь установить на них какие-то новые вехи и варилась в эмигрантском соку, внося немного оживления в унылую сутолоку серых будней. И, наконец, третья, самая многочисленная группа, состояла из тех, кто не забыл,

что он русский, но и не пристал ни к одной из эмигрантских группировок, не веря чужому опыту, в столь важном жизненном решении, как определение своего отношения к происходящему на его родине.

Представители этой группы росли какими-то дичками на пестром эмигрантском поле, бессознательно ожидая, какого-то своего момента, когда они сами, без посторонней помощи, смогут занять ту или иную позицию к происходящему на их родине. И, если бы в этот момент, они убедились, что большевизм хорош и необходим русскому народу, то так же легко стали бы его искренними сторонниками, как убедившись в противном, сделались бы его заклятыми врагами.

Я принадлежал, именно, к этой третьей группе.

Этим, казалось бы могли быть исчерпаны сомнения и читателя и мои собственные. Но сегодня мне хочется быть придирчивым и педантичным. И я сам задаю себе вопрос, — а может быть, так называемая тоска по родине восстановила меня подсознательно против большевизма. Быть может, естественная тяга к родным местам и препятствие к этому в лице большевиков, уже автоматически должны были настроить меня против советского режима?...

Тоска по родине это, прежде всего болезнь. И при том болезнь душевная. И как всякая болезнь, а тем более болезнь душевная, она у каждого отдельного человека, принимает свои особенные и только данному человеку свойственные формы. У одних тоска по родине выражается в тоске по степным просторам Украины, у других по громадам кавказских гор, у третьих по родным оставшимся на родине, у четвертых по родному селу и, наконец, у пятых просто по той хорошей жизни, которой они жили у себя дома. А если жизнь эта была там тяжелая и безотрадная, а на чужбине им удалось устроиться значительно лучше, то таким людям тоска по родине бывает, подчас, и вообще незнакома. Я не раз встречал самых простых добротных русских людей, влачивших на родине тяжелую чернорабочую лямку, а заграницей вдруг удачно расторговавшихся, разбогатевших, обзаведшихся домом, землей и семьей. Когда я их спрашивал — хочется ли им вернуться на родину, они обычно отвечали, что иногда очень и очень хочется — «эдак одним глазком заглянуть в свое село (или город) и посмотреть, что там делается...» Мне было понятно их желание. Но это уже не тоска по родине, а просто любопытство.

Когда я пробовал определить в чем заключается моя тоска по родине, то всегда на первый планъ у меня выступало чувство тоски по моей матери, оставшейся в Советском Союзе. А когда, в 1935 году маленький серый конверт, с лиловыми чернильными строчками, принес мне известие, что у меня больше матери нет, я в значительной степени излечился от душевной болезни именуемой тоской по родине. Излечился во всяком случае настолько, что чувство это даже подсознательно не могло влиять на мое отношение к политическому режиму, существовавшему на моей родине.

Но, повидимому, болезнь эта подвержена тем же законам, которые существуют и для других болезней души. А именно: — она может возобновиться при каком-нибудь внутреннем толчке, связанном с внешним потрясением.

Внешним потрясением, вызвавшем в свою очередь, какой-то внутренний толчек во мне и было 22 июня 1941 года или, другими словами, начало войны между Германией и Советским Союзом.

С этого дня я лишился того относительного душевного покоя, который можно было иметь в городе недавно пережившем воздушные бомбардировки и оккупированном чужими войсками.

Я почувствовал, что вот теперь наступил тот момент, когда можно каким-то путем пробраться на родину и, наконец, самому убедиться в том, что с ней произошло за эти долгие и смутные годы.

Это тем более, что если тоска по родине является величиной относительной, то любовь к родине и долг перед ней, представляют собой величины постоянные и определенные. Эти величины требовали немедленного решения и участия, в том или ином виде, в наступивших событиях. Мои мысли, как и мысли сотен тысяч русских людей, по эту сторону рубежа, естественно устремились на восток.

Путь на родину для русских эмигрантов в эту войну (как, впрочем и в прошлую) лежал, увы, через Берлин. А для русского журналиста путь этот лежал через единственную к этому времени русскую газету в Европе, берлинское «Новое Слово».

Спустя несколько дней после начала войны я получил от редакции этой газеты предложение — принять участие в ее работе и, в конце августа 1941 года, поезд уносит меня из Белграда в Берлин, на работу в редакцию «Нового Слова».

Первый этап новой жизни для меня начался. Но уже тогда я думал только о той минуте, когда начнется и второй этап. А он начнется тогда, когда я буду подъезжать к бывшей границе Советского Союза.

И я не сомневался, что я добьюсь этого и дождусь этой минуты.

О РУССКОЙ ОППОЗИЦИИ ЗДЕСЬ И ТАМ.

Глава из книги Александра Казанцева

«ТРЕТЬЯ СИЛА».

Русская эмиграция, ушедшая из России после гражданской войны, окончившейся в 1922 году победой коммунизма, —явление исключительное. Она была многочислена, как ни одна эмиграция до нее, — статистики определяли ее численность в два миллиона человек, — и представляла собой не класс, не слой, не какую-нибудь определенную группу, а просто часть народа, во всем его вертикальном разрезе, от верхнего слоя интеллигенции до потомственных рабочих и крестьян. Называть эту двухмиллионную массу эмиграцией можно только условно, точнее было бы ее определить, как русский антикоммунистический актив частично вытесненный за пределы страны.

Верхний слой эмиграции был представлен именами непревзойденных Шаляпина и Павловой, Рахманинова и Алехина, Сикорского и Бунина и десятками других, не менее славных, но менее известных имен, от конструктора знаменитой «Нормандии» до одного из основоположников неохристианской философии — Бердяева. Трудно было найти на земном шаре, особенно в Европе, университет, в котором не было бы русского профессора-эмигранта, не говоря уже о балканских странах, где почти в каждом университете они представляли собой значительную группу.

Психологическая особенность эмиграции заключалась в том, что она была политической эмиграцией, непримиримо и активно антикоммунистической. Она не допускала мысли, что ее пребывание загранице долговременно или, тем более, постоянно. Вся жизнь, где бы и как бы она ни укладывалась,

укладывалась с расчетом на временность, на какой-то срок, до тех пор, когда можно будет вернуться на родину. Мысли и чувства эмиграции, устремленные к России, сопровождали каждый ее шаг, каждое ее движение.

Беззаветную любовь к родине и веру в ее воскресение отцы передали и нам, второму поколению, выросшему, а отчасти и родившемуся за рубежом.

Отцы — в основном трудовая российская интеллигенция, разойдясь по всему миру, работали часто тяжелым физическим трудом, но детей воспитывали и учили, поднимая, как минимум, до своего уровня...

Отцы работали шоферами такси в Париже, углекопами в Болгарии и Бельгии, землемерами в Югославии и Африке, работали на заводах, фабриках, на лесных промыслах и в сельском хозяйстве, а на заработанные медные гроши дети кончали средние школы и университеты.

Жизнь была не легкой и для нас. Была единственная возможность выбиться на дорогу — это учиться и работать лучше, чем другие. И молодежь училась. В любом европейском университете каждый год среди окончивших с наградами и отличиями можно было увидеть фамилии, оканчивающиеся на два ф.

Но это было не все.

В студенческие годы, и еще раньше, мы начинали чувствовать ненормальность нашего положения, ощущать зияющую пустоту в каком-то уголке души, неполноценность свою в окружающем нас и знакомом и близком, но все-таки далеком и чужом мире. Добросовестный, но не одухотворенный труд в лабораториях и на фабриках, у заводских станков и на стройках не давал удовлетворения. Под ногами не было почвы, в которую всеми корнями можно было бы врасти. Так рождалась тоска по родине, по далекой сказочной стране, которую молодежь знала зачастую только по рассказам родителей.

Родина была мачехой, отвергшей нас с момента нашего рождения, поставившей вне закона без всякой нашей вины.

Мы стали искать причин происшедшего, погрузились в изучение и истории и настоящего родной страны. Мы скоро увидели, что родина — мачеха не только для нас, а и для тех, кто живет там. Так вошли мы в политическую жизнь.

Где бы мы ни были, что бы ни делали, мы всегда вели как бы двойную жизнь. Одна — вот эта, настоящая, со службой, работой, с ежедневными обязанностями и заботами, а другая,

от всех скрытая, — для души. Это была Россия, которой отдавались все лучшие чувства и помыслы. Эти чувства не под силу было носить в одиночестве. Стали делиться ими друг с другом, искать единомышленников. Так родилась организация.

Каждый вечер, после трудового дня, в Париже и Софии, в Варшаве, Праге, Белграде и в десятках других мест нашего рассеяния мы собирались вместе, слушали и читали лекции и доклады, изучали философию и экономику, историю и социологию, готовились к политической борьбе за свой народ.

Мы скоро увидели, что коммунизм, поработивший наш народ, это не политика, а идейная уголовщина. Мы стали готовиться к борьбе. Это дало нам возможность изучать процессы, происходившие на родине, не только по книгам и журналам, не только по советским газетам и радио, но и проверять свои выводы в разговорах с живыми людьми, постоянно бежавшими оттуда. В конце концов, наиболее подготовленные и смелые из нас смогли наблюдать эти процессы и своими глазами.

Мы разглядели также и то, что коммунизм — это не только преступление, но и идея, которую победить можно только идеей же, более органичной, здоровой и человечной. Из синтеза народной психологии, характерного для нашего народа извечного искания правды, глубоко христианского мировосприятия и последних достижений передовой европейской философии мы создали свое мировоззрение, свою философию и политическую доктрину.

Мы знали практический коммунизм так, как мало кто знает его из его противников за рубежом. Мы угадывали вперед его планы, намерения и шаги.

Мы знали и жизнь народа, порабощенного им, со всеми его горестями и печалями, надеждами и мечтами.

Мы первыми в эмиграции знали каждую новую появившуюся песню, наизусть знали сотни стихов, но лучше всего мы знали, почему великий, миролюбивейший народ, еще ни разу в своей жизни не вздохнувший свободно полной грудью, влачит жалкое существование, почему постепенно исключается он из человеческого общества. Эти причины знали мы очень хорошо.

Нас было сравнительно немного, потому что пополняли мы свои ряды не путем набора, а путем тщательного отбора. Нас были немногие тысячи, но мы были всюду. И на Дальнем Во-

стоке, и в Африке, и в скандинавских странах, и в Австралии. Самым экзотическим был член организации, которого мы никогда не видели и, вероятно, никогда не увидим — он жил на Огненной земле.

Но вполне естественно, что гуще и теснее всего наши ряды были около родных границ.

Мы накапливали свои знания и опыт к тому дню, когда «там что-то произойдет». Тысячи молодых врачей, инженеров, строителей, как правило, с блестящим европейским образованием и опытом, привели бы мы в тот день Родине и сказали бы ей — вот то, что мы для тебя приготовили. Мы знали, что только там, на родной земле, может появиться тот человек или те люди, которые смогут повернуть течение ее жизни в другое русло, и готовились больше десяти лет, чтобы этому человеку или людям отдать все свои силы, знания и умение.

Советское правительство, а еще раньше его заграничная агентура, не могли не обратить внимания на это явление. Были попытки провокации, были попытки разложить нас изнутри и раздавить снаружи. В Болгарии, где одно время выходил наш центральный орган, наша газета, по требованию советского посла нам четыре раза приходилось прекращать ее издание, уносить в подполье и, наконец, уйти совсем.

При одной из первых попыток провокации, организованной НКВД, мы понесли жертвы, неоценимые и незабываемые для нас потери, но после этого мы научились навсегда различать врагов от друзей.

В таком состоянии и в таких настроениях застало нас 22-ое июня 1941 года, когда тремя гигантскими бронированными клиньями Гитлер пробил брешь в китайской стене, окружавшей нашу родину в течение 19 лет.

Поход Гитлера на восток для нас не был неожиданностью. Начиная с 1935-го года, наши друзья, сидящие в глубоком политическом подполье в Берлине, сообщали нам, что готовится страшное преступление: Гитлер вооружается, чтобы оккупировать, путем физического уничтожения обезлюдить западные области России и включить их, как аграрный придаток в Германию. Немецкие походы в Польшу, Францию и на Балканы нами понимались как пролог к нашей русской драме. Покорение Европы — для нас это было ясно — было только подготовкой крепкого тыла для похода на восток — окончательной цели, поставленной национал-социализмом. Руководство Германии, опьяневшее от небывалых военных успехов

за первые два года войны, не скрывало, да и не могло скрыть, своих планов. Во всю грозную величину ставился вопрос о завоевании и разделе нашей страны, о том, чтобы отбросить нас, как они писали, в азиатские степи, без выхода к морям, и о том, как очищен будет для трудолюбивого немецкого плуга тучный украинский чернозем. В недрах партийных и государственных немецких учреждений уже годами работали институты и комиссии по изучению почвы разных полос западной России, по приведению в порядок лесного хозяйства и путей сообщения, приноравливаемых для обслуживания метрополии, то есть, собственно, самой Германии. Объектом изучения являлись в равной степени как лесные массивы Белоруссии, так и торфяные залежи Арктики, как украинский чернозем, так и нефтедобывающая промышленность Кавказа. С началом войны все это стало достоянием общественности и широко обсуждалось печатью.

22-ое июня поставило нас перед двумя вариантами нашего отношения к событиям — остаться в стороне и наблюдать, кто кого, Сталин Гитлера или наоборот, или броситься в эти события и устремить все свои силы на достижение наших русских целей. Для нас был приемлем только второй вариант.

План действий был сложен и труден. Во-первых, во что бы то ни стало в этой борьбе нужно было стать рядом с своим народом, во-вторых, сразу же бросить в народные массы идею о создании «Третьей силы»,, стоящей на страже интересов народа, а не коммунистической партии, и при помощи ее, этой «Третьей силы», отстоять целостность страны от посягательств внешнего врага, а также освободиться и от коммунизма.

ВНИМАНИЕ!

В следующем выпуске «Кадетской Переклички» выйдет статья проф. П. Н. Пагануцци

«ЕКАТЕРИНБУРГСКОЕ ЗЛОДЕЯНИЕ»

в свете старых и новых документов с 1918 по 1978 г.г.

ПЛЕН.

О РАЗНЫХ НЕОЖИДАННОСТЯХ.

Началась охота за русскими черепами. Нас выделяли из общей массы югославских военнопленных. Среди русских была группа бывших кадет, которые держались, за малым исключением, всегда вместе. Общее количество русских было довольно большое. Некоторые из нас по собственной инициативе подавали рапорты и слали письма в ОКВ (Оберкомандо Вермахт), прося освобождения из плена на основании принадлежности к русской национальности. Судьба этих рапортов вначале была нам не известна и казалось, что они не трогали сердец комендатуры лагеря.

Но вот, совсем для нас неожиданно, в нашем лагере началась охота за русскими черепами. Большинство из нас к этому не было готово, и поэтому никто не выработал план действий, чтобы парировать это начинание. У меня было твердое решение вместе с сербами переносить и дальше все горечи, неприятности, лишения и голод ибо как офицер Королевской Югославской Армии, помимо данной мною присяги, я считал себя не только собратом по общему несчастию, но и полноправным членом их «семьи». Кроме того, этим я как бы отдавал долг за полученное от них гостеприимство. Были у нас частые споры на эту тему, так как некоторые не соглашались с моим мнением, хотя большинство русских находящихся со мной в том же лагере — Офлаг XIII-А-Лангвассер — были мнения схожего с моим.

Отказываться от собственной национальности и считать себя Сербом я не мог, хотя я и был сербофил, и женат был на Боснийке, но как рожденный в России, и от русских родителей, я оставался Русским. Были у нас чудаки, которые в анкетах, в рубрике о национальности ставили курьезные сочетания как, «Серб-Казак»... Эта новая национальность была причиной многих шуток над сербским казаком...

Вскоре все мы пришли к заключению, что необязательно снабжать нашего общего врага правдивыми данными о себе и в конце концов он и не вправе устанавливать нашу национальность. А поэтому негласно было решено, что каждый может поступать по собственному желанию... Сами же немцы очень плохо разбирались в нюансах национальности народов принадлежащих к группе Славян и провести их, при же-

лании, было пустяковым делом. Первая попытка Немецкого командования лагерем закончилась для них неудачей. Больше половины русских черепов все еще было не выловлено. Инструкции высшего начальства вероятно требовали определенного числа этих голов на основании тех рапортов, которые русские подавали, хлопоча об освобождении из плена. И по подсчетам свыше результаты первичной охоты были недостаточными... Начальство видимо не считалось с фактом, что со времени подачи рапортов прошел уже достаточно длинный срок и многие уже успели всеми правдами и неправдами выбраться в Болгарию, Венгрию, Румынию, а Черногорцы в Италию оказавшись неожиданно, как для себя, так и для своих новых соотечественников Итальянцев, подданными Его Вел. Короля Италии и небезвестного Муссолини.

Гестапо и Обер-Командо Вермахт требовали число — количество... Личности их не интересовали. Как всюду и везде главным были номера и количество. Новый метод постройки Новой Европы... Ярким примером такого метода был у нас русский старичек... Этот глубоко штатский человек в свои 60 с лишним лет никогда, до приезда в лагерь не носил военного мундира. К тому же не был даже югославским подданным. В Нише, где он жил со своей старушкой, выйдя из дому, чтобы купить что-то для хозяйства, он задержался на улице рассматривая военнопленных проходивших в это время под конвоем немецких солдат... Надо было чтобы какой-то бравый ефрейтор решил произвести подсчет своих подопечных. Число их оказалось недостаточным. Нехватало одного пленного вероятно улучившего какой-то подходящий момент и сбежавшего по дороге...

Кто знает о чем тогда думал дедушка? Может быть о теплом завтраке, который к его возвращению готовила его супруга, но, к которому так он и не попал. По его же словам он просто зазевался, что помогло ефрейтору без труда впихнуть его в один из рядов пленных и покричав «Лос, лос...» переменить в корне судьбу бедного человека...

После нескольких дней транспорта, при новом пересчете оказалось, что у ефрейтора один лишний военнопленный. Знай дедушка немецкий язык и не будь таким покорно- застенчивым может быть тут бы его и отпустили, но ефрейтор решил эту задачу опять по своему и попросту отпустил «левофлангового»... Сам же дедушка после признавался нам: «Ну куда бы я в незнакомом месте... Документов да и денег ведь

у меня при себе не было... В недобрый час взяли бы меня как заложника и повесили бы где-либо на фонарном столбе...» Пожалуй его рассуждения были правильны... Но дедушке все же повезло попав в группу военнопленных офицеров... Тут по совету какого-то доброжелательного подпоручика дедушке пришлось покривить совестью определив для самого себя чин капитана «прве класе» (отвечает русскому чину капитана), что подтвердил и его доброжелатель, уверив переводчика, что он служил именно у дедушки в подчинении в каком-то интендантском складе... Тут же кто-то из соседей по бараку подарил дедушке куртку на которой кто-то на защитных погонах красным химическим карандашем провел посередине черту и расположил на ней ромбом 4 звездочки...

Таким образом дедушка спас не только себя, но и свою старушку в Нише регулярно высылая ей большую часть своего «офицерского жалованья», которое нам выплачивали немцы, по какой-то собственной расценке, марками для военнопленных. Для нас эти марки (в самом лагере) не значили ничего, но в странах оккупированных немцами местные власти вели расчет как и с настоящей райхс-маркой...

Знали мы, что число требуемое ОКВ должно быть пополнено и что правдами и неправдаеми немцы докопаются и до нас, которые решили выдать себя за сербов... Правда, кто-то пустил слух, что выделяют всех русских для того чтобы отправить их сперва по домам, для отдыха, а после по мере надобности употреблять их в качестве переводчиков для непонятно-огромного количества советских военнопленных, оказавшихся в плену с самых первых дней войны с СССР. А так как желающих ехать домой было достаточно, лов на наши черепа показался многим особенно удобным для достижения этой цели и русские ряды пополнились новоиспеченными русскими, у которых неожиданно матери оказались русскими. Так среди нас появились Марковичи, Поповичи и Петровичи, не говорившие ни одного слова по русски. Благодаря этому гестапо — офицеру Фуксу — удалось прибавить уже к имевшемуся списку русских еще несколько новых имен, а некоторым русским нежелавшим признать себя таковыми удалось остаться и дальше в югославском лагере до окончания войны.

Типичная немецкая административная бюрократия начала свою работу.

Сперва вызывали нас из отдельных бараков, собирали око-

ло какого-либо определенного места, строили, пересчитывали... Обыкновенно этим делом занимался один из двух постоянно приставленных к нам унтеров. Потом приходил зондерфюрер с важным видом и с папкой под мышкою... Опять нас пересчитывали... Немцы что-то между собою тихо говорили... Наконец подаваалсь команда «ЛОС!» и мы направлялись, в рядах по пяти к выходу из нашего блока... При выходе опять нас пересчитывал после чего, уверившись, что по дороге никто не сбежал, часовой брал под козырек сопровождавшему нас зондерфюреру, с азартом щелкал каблуками, чем и начиналась наша прогулка за проволоку нашего блока. Выйдя из нее мы попадали уже в другое заграждение проволокой, хотя это заграждение носило чисто психологический характер. Проволока была с меньшим количеством колючек-терний и затем не было ни ежей ни второго ряда. Наконец наша группа появлялась около барака гл. управления лагерем. Из барака комендатуры выходил офицер. Нам подавали команду «Бефел!» опять нас пересчитывали, после чего офицер из папки доставал список, делал поверку страшно искажая некоторые фамилии и имена... Делаю маленькое отступление и переношусь в Офлаг 4 Ц, куда нас и отвезут после всей этой кутерьмы и, где уже были собраны офицеры русского и «украинского» происхождения из Французской, Бельгийской, Польской и Югославской армий... Там тоже сперва поверку делал капитан Эгерс — офицер запаса и историк по профессии. Ему тоже приходилось очень туго с произношением наших фамилий и приближаясь к концу списка он впоследствии передавал его нашему старшему майору Михайлову, ибо знал, что фамилию Коли Жемчужникова так и не удасться ему выговорить. Сперва он пытался это делать сам. Но у него это не получалось. Тут был и посвист и шипение и все что хотите, но не зная того что это фамилия именно его, Коля никогда бы не догадался откликнуться на нее...

Закончив с перекличкой нам давали команду «вольно», но не разрешали расходиться. Каждый из нас ждал своей очереди когда его вызовут внутрь барака... А в бараке за письменным столом сидел герр хауптман Фукс и, имея перед собою анкету, задавал вопросы каждому испытуемому. Отдельно сидел за пишущей машинкой какой-то немец из нижних чинов и строчил все то, что ему сообщал герр хауптман... Между самим хауптманом и испытуемым почтительно скло-

няясь перед своим шефом был кто-либо из переводчиков лагеря, а было их несколько и насколько помнится все они были югославские немцы. Были они славными парнями. Некоторые откровенно разделяли наши взгляды и так же ненавидели своих братьев из великого Райха и с удовольствием вспоминали королевскую Югославию, где никто над ними не стоял с палкой и они, несмотря на то, что принадлежали народному меньшинству, пользовались всеми правами югославских граждан.

Испытуемому военнопленному офицеру задавались вопросы самим капитаном, следуя порядку анкеты лежащей перед ним... Я не помню всех вопросов, но очень хорошо помню, что кроме главных данных о себе, имени, фамилии, годе рождения, чина, рода войск и семейного положения, были еще и другие. Один из считавшихся главным, был: «ПОСЛЕДНИЙ ЧИН В ИМПЕРАТОРСКОЙ РУССКОЙ АРМИИ»...

На этот вопрос большинство из нас отвечало, что по малолетству нам не приходилось служить в императорской армии... Но вот один из наших, перед самой войной по ускоренному выпуску произведенный в подпоручики, решил пошутить. Шутка могла бы окончиться для него весьма печально. Спас положение переводчик, тот симпатичный «шваба», называвший себя «Београжданином» и женатый на сербке из Белграда.

Произошло следующее. Когда дело дошло до вопроса о годе и месте рождения офицер ответил, что родился в Белграде в 1922 году. Ему показалось, что Фукс был удивлен этим ответом потому что задал ему сразу же вопрос «Почему?»

«Ну, что дураку скажешь — рассказывал он. — Сперва ошарашил меня переводчик тем, что перед Фуксом надо стоять смирно и застегнуть все пуговицы на тужурке, отвечать коротко и ясно... Я попросил переводчика передать капитану, что за пуговицы отвечают его солдаты, которые за 4 месяца плена обыскивали меня больше 100 раз, а ящик с моими запасными пуговицами очевидно где-то в их историческом военном музее, как важный трофей. Что он ему передал, не знаю, но капитан одобрительно тряхнул головою и начал с распросами. Но вот, когда он задал мне вопрос «почему», я и впрямь не знал, что на этот вопрос ответить. Подумав сказал, что это секрет моих родителей, а мне до сего

времени не приходило в голову спрашивать почему именно в Белграде.

Ну и затем уже последний вопрос: — Ваша служба в императорской армии и ваш последний чин... Ну, тут уж совсем я был огорошен мудростью этих культуртрегеров и юберменшей... Да знает ли он — болван — что уже в 1917 году, по их же милости не было ни царя, ни царской армии... Злость меня взяла, ну я и бахнул — АДМИРАЛ! Ну, что другое идиоту скажешь. Кажется, достаточно было взглянуть на меня, чтобы знать ответ на этот вопрос».

Когда он дошел до «АДМИРАЛА» в нашей толпе настал такой взрыв смеха, что не только наши конвойвожатые растерялись, но даже и сам зондерфюрер как будто бы побледнел от страха, что ему порядком влетит за этот смех, если Боже упаси, слышал его сам Фукс. Но Фукс к счастью не слышал.

Потом мы уже узнали от нашего переводчика «Београждамина», что ответ подпоручика-адмирала (как мы его после в шутку называли) мог для него окончиться весьма печально, ибо этим ответом затрагивалась честь «ГЕСТАПО-ОФИЦЕРА»... А с этими шутки плохи...

Видя, что сам Фукс как бы понимает глупость заданного вопроса и как бы взвешивает дерзость молодого военнопленного офицера, переводчик, желая спасти подпоручика, быстро сказал ему: «Скажите, что хотите на сербском языке, скорее», а тот удивленно спросил, чего от него еще хотят. Этого переводчику было довольно, чтобы, предупреждая гнев Фукса, перевести: «Подпоручик говорит, что его отец был контр-адмиралом, а он по малолетству в царских войсках не служил»...

Положение было спасено.

Вскоре после этого опроса все мы из Офлага XIII А были перевезены в Саксонию, в городок Кольдитц (один из городков некогда населенных Лужичкими Сербами), где уже застали офицеров из других армий таких же военнопленных как и мы.

На этом я закончу, часть своих воспоминаний связанных с моим первым пребыванием в лагере Лонгвассер XIII А. Первым потому что я вскоре опять попал в этот лагерь после отказа кооперировать с немцами.

Алексей Мальчевский.

АДМИРАЛ А. В. КОЛЧАК

— К 60-ЛЕТИЮ ЕГО СМЕРТИ.

20-го февраля (по н. ст.) 1920 года, т. е. 60 лет тому назад, был расстрелян адмирал Колчак, избранный Белыми Силами России стать ее Верховным Правителем. Ему было только 46 лет, когда чехи предательски выдали его красным в Иркутске.

Его отец был инженером-металлургом на Обуховском сталелитейном заводе под Петербургом. Род его происходил от турецкого паши Колчака (отуреченого боснийца по происхождению), взятого русскими в плен в 1793 г. при штурме крепости Хотина.

Родился А. В. Колчак 4 ноября 1874 г. В 1894 году он с отличием (Премия адм. Рикарда) окончил Мор. Кад. Корпус. Спокойная жизнь мирного времени его не удовлетворяет. Он увлекается идеей открытия Южного полюса (тогда еще не открытого) и исследованием Северных морей, где еще было так много неизвестного. За книгами и картами он проводит свободное от службы время, изучая океанографию полярных морей. В 1900 г. он получает приглашение Российской Академии Наук принять участие в Северно-Полярной экспедиции бар. Толя. Там он себя показал исключительно храбрым, готовым для спасения других жертвовать собой и в то же время проявил себя талантливым научным работником. После двухлетнего пребывания в районе Новосибирских островов, бар. Толь, передав командование Колчаку, приказал экспедиции возвращаться домой. Сам же вместе с тремя матросами остался там, надеясь открыть еще один неизвестный остров.

В течение нескольких месяцев от бар. Толя не поступало никаких сведений. Обеспокоенный его участью, Колчак добивается организации его поисков. Он плывет на китобой-

ном вельботе (корабля типа ледокола не оказалось), взяв с собой только четырех охотников на тюленей и двух матросов- добровольцев. Они провели несколько месяцев в упорной борьбе со стихией. Колчак прекратил поиски только, когда он убедился, что бар. Толь со своими тремя спутниками погиб. За эту экспедицию Российская Академия Наук наградила Колчака Большой Константиновской медалью, которой до него было награждено только два путешественника. Так будущий адмирал Колчак начал свою деятельность.

Во время японской войны, несмотря на тяжелый суставной ревматизм, полученный во время Полярной экспедиции, он в Порт-Артуре у адмирала Макарова командует миноносцем «Сердитый». За смелую и удачную вылазку и установку мин под Порт-Артуром (на этих минах взорвался японский крейсер «Такосадо») он награждается Георгиевским оружием.

После Японской войны, кончившейся позорной гибелью почти всего русского флота, Колчак, уже капитан 2-го ранга, работает над возрождением русского флота. В 1906 году он назначается начальником Организационно-Тактического отдела Морского Генерального Штаба и становится одним из его самых деятельных работников по проведению судостроительной программы. Нужно было спешить, т. к. чувствовалось, что новая война не за горами.

Последние годы перед Мировой войной Колчаку поручается подготовка флота и разработка планов на случай войны в Балтийском море. Колчаку флот обязан тем, что, когда грянула война, мобилизация его прошла блестяще — каждый корабль знал свое место, минные заграждения поставлены и русские гавани находились в недосягаемости для немецких кораблей.

Первые годы войны, как флаг-капитан по оперативной части, он руководил всеми операциями Балтийского флота. Под его личным руководством минируются входы в немецкие гавани этого моря. Как результат — только под Данцигом на его минах взорвались 4 немец. крейсера, 8 миноносцев и 11 транспортов. Осенью 1915 года за исключительно удачную операцию флота под Ригой, которой он руководил лично, и которая остановила наступление немцев на суше, он был награжден орденом св. Георгия 4-ой степени.

В 1916 году Колчак производится в вице-адмиралы и назначается командующим Черноморским флотом. В то время там положение было не из блестящих. В море безнаказанно

пиратствовали немецкие подводные лодки и быстроходные крейсера Гебен и Бреслау. Колчак быстро восстановил господство русских в Черном море, плотно заминировав выходы из Босфора и Варны (в то время стоянки немец. подводных лодок). Во всех этих операциях Колчакак участвовал лично, чем сразу завоевал популярность и уважение подчиненных.

Ему было также поручено разработать план занятия Константинополя и Дарданелл (так называемая «Босфорская операция») и подготовить его осуществление весной 1917 года. Этот план был им разработан, но наступившая революция помешала его осуществлению.

После революции благодаря авторитету Колчака Черноморский флот держался дольше всех. Но агитаторы большевики и здесь сделали свое дело — начались митинги, разоружение и убийство офицеров. Когда матросский комитет, явившись к Колчаку потребовал у него Георгиевское оружие, он выбросил за борт свой кортик, с презрением, как вызов, швырнув им в лицо: «Не вы мне его давали!»

Сдав командование флотом своему помощнику, он едет в Петроград, чтобы доложить о происходящем во флоте. Там он убеждается, что у Временного Правительства нет ни сил, ни желания спасти флот и что при таких условиях командовать им он не может. Выйдя как бы в отставку, он получает приглашение правительства США принять участие в подготовке американского десанта в Дарданеллах. Уже знакомый с этим вопросом и рассматривая это как продолжение борьбы России с Германией, он принимает это предложение. Однако по приезде в США он узнает, что эта операция откладывается. Ему предлагают вступить в американский флот и командовать минной дивизией, но он от этого отказывается и возвращается в Россию. По дороге Колчак получает распоряжение ехать в Пекин. Там ему российским послом, кн. Кудашевым, было предложено приступить к созданию на Дальнем Востоке Добровольческой армии, на подобие той, которая была уже создана ген. Алексеевым и ген. Корниловым на Юге России.

Прибыв в Манджурию, адм. Колчак находит там несколько небольших антибольшевистских отрядов, объединить которые ему к сожалению не удалось. Помешало честолюбие возглавляющих их атаманов и сопротивление находившихся там японцев, поддерживавших материально эти отряды в надеж-

де использовать их для оккупации нужных Японии русских областей. Идея объединения отрядов встретила особенное противодействие со стороны атамана Семенова, что испортило отношения между ним и адм. Колчаком. Впоследствии отказ атамана Семенова объединить силы борьбы печально отразился на успехе Белой борьбы в Сибири.

Потерпев неудачу в Манджурии, Колчак решает пробираться на юг России, к ген. Алексееву, которого он очень высоко ценил. По пути туда, он останавливается в Омске и там узнает о гибели ген. Корнилова и смерти ген. Алексеева. В Омске ему предлагают пост Военного министра в Сибирском правительстве. После долгих уговоров он соглашается. Политическая обстановка в те дни в Омске не сулила ничего хорошего. Единства, которое было так необходимо для успеха борьбы с большевиками не было, а только борьба за власть между эсеровской Директорией и более умеренными кругами, имевшими опору в офицерстве и в казачьей среде.

В ночь с 17-го на 18-ое ноября 1918 года произошел переворот и Директория была свергнута. Колчак стоял в стороне от этой борьбы и переворот произошел без его ведома. Совет Министров Сибирского правительства предложил Колчаку, имя которого тогда знала вся Россия, возглавить новую власть, приняв звание Верховного Правителя. Колчак, который по всем отзывам о нем, не был честолюбив и не стремился к власти, после тяжелых колебаний решил, что наступил момент, когда от служения родине и ответственности отказываться нельзя.

Как известно и ген. Деникин на Юге России, и ген. Юденич на Западе, и ген. Миллер на Севере признали Верховную власть адм. Колчака. Только атаманы Семенов и Калмыков, ставленники японцев, отказались подчиниться Колчаку и этим сыграли на руку большевикам.

В своем первом приказе адм. Колчак писал, что он не пойдет «ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности» и что после свержения большевиков «народ сам, в лице своих полномочных представителей, установит формы государственного правления, соответствующие национальным интересам России».

Трагедия Колчака, а что еще более важно, трагедия России была в том, что он не оказался тем человеком, который был нужен в этот момент. Он был отважным и талантливым флотоводцем, жертвенным патриотом, безукоризненно честным

и нравственно чистым человеком, брезгливо сторонящимся всяких интриг, может быть иногда чересчур горячим, а пост Правителя в это время требовал быть искусным и гибким политиком, холодным, расчетливым и, если нужно, даже жестоким. Нужно было руководить не только армией, но и управлять огромной областью. Нужно было разрешать наболевшие вопросы, чтобы привлечь широкие массы населения на сторону белых. Мудрых же помощников, готовых пойти на широкие реформы, не нашлось; деревня не поддержала Колчака, т. к. не был разрешен главный для нее — земельный — вопрос.

Даже офицерство, оплот Старой России и армии, как это ни горько признать, далеко не все приняло участие в активной борьбе с большевиками, предпочитая занять выжидательную позицию. Некоторые из них даже пошли на службу к большевикам и помогли им создать Красную армию, разбившую белых.

В тылу Белой армии, сражавшейся в предгорьях Урала, на огромных просторах Сибири, тоже было не очень благополучно. Там хозяйничали бывшие военнопленные чехи, захватившие в свои руки железную дорогу и, пользуясь слабостью белых, забили ее своими эшелонами, увозившими «благоприобретенное» русское добро. Своевольничали и атаманы, так до конца и не признавшие власть Колчака. А эсеры, заключившие союз с большевиками, подготовляли и поднимали в тылу у белых восстания.

У Колчака не было достаточно сил со всем этим справиться. К тому же начались неудачи на фронте, что и привело к окончательной катастрофе. При отступлении, под Иркутском, на станции Иннокентьевской, чехи, якобы еще союзники белых, чтобы обеспечить себе беспрепятственный проезд на Приморье, выдали адмирала Колчака эсерам, поднявшим в тылу у белых восстание и захватившим в свои руки Иркутск.

Для суда над Колчаком была создана «Чрезвычайная Следственная Комиссия», состоящая из эсеров, меньшевиков и большевиков. Существует стенографическая запись (Архив Русской Революции, т. 10-ый) допросов этого суда. На суде Колчак подробно, в течение нескольких дней, рассказывает свою жизнь. Перед нами встает фигура человека, честно служившего своей родине, образ одного из мучеников нашего страшного лихолетья. Он никого не обвиняет и всю ответственность за все ошибки содеянные во время его правления,

даже совершенные без его ведома, он берет на себя.

Интересно мнение об этой «профанации суда» историка Мельгунова, политического противника адм. Колчака. Он пишет: «Колчака судил «революционный суд». Подсудимый во всех отношениях оказался выше своих судей, и с чувством какой-то глубокой обиды и поруганной личной чести мы перелистываем страницы допроса адмирала Колчака. Зачем его не судили только большевики? Зачем на эту позорную страницу занесены помимо комунистов и имена представителей партии соц.-революционеров и соц.-демократов? Зачем в этой комедии суда, в этом недостойном зрелище, в роли статистов, впрочем не пассивных, выдвинуты демократы? Этого пятна не смоет никакая «объективная история». И дальше: «Такие вещи действительно не изглаживаются из исторической памяти». (Мельгунов: «Трагедия Колчака»).

Суд большевикам не удалось закончить. К Иркутску подходила отступавшая Белая армия. Была возможность, что город будет занят белыми, а потому 20 февраля (по н. ст.), в 4 часа утра, на берегу речки Ушаковки, притока р. Ангары, А. В. Колчак был спешно расстрелян. Его тело там же было спущено под лед.

Как пишет участник расстрела И. Бурсак: «Колчак вел себя спокойно. На мое предложение завязать глаза Колчак отвечает отказом». («Разгром Колчака», Москва, 1969 г., стр. 280). Постановление Иркутского военно-революционного комитета о расстреле Верховного Правителя адмирала Колчака и председателя Совета Министров Пепеляева было подписано Ширямовым, председателем комитета и его членами А. Своскаревым, М. Левенсоном и Отрадным.

Борис Павлов.

От Редакции

Редакция печатает письмо священника о. Дмитрия Дудко, арестованного за истинное исповедание православия и безграничную любовь к своему многострадальному народу.

«На любви к своему народу я учусь любить христианской любовью все народы».

«Преклоняясь перед страданиями русского народа, я преклоняюсь перед страданиями Самого Христа», говорит о. Дмитрий бесстрашный христианин и русский человек.

Как мы уже писали о художнике Глазунове, так и о. Дмитрий за свою религиозную деятельность и веру в русское Национальное возрождение подвергается преследованиям и в Советском Союзе и со стороны некоторых эмигрантских деятелей, которые, продолжая свое непонятное делание, раздают ярлыки «Агент КГБ» каждому, кто заговорит о России с верой в нее и надеждой на ее возрождение.

Свящ. Дмитрий ДУДКО

Моим обвинителям.

Оправдываться — это значит чувствовать себя виновным. И я не оправдываться хочу, а хочу, чтобы христианская проповедь была не извращенной. Как я уже заявил: я из всего, из своей жизни и даже смерти, хочу сделать проповедь — помоги Бог! Задача нелегкая, непосильная человеку. Но в моих действиях и проповеди некоторые усмотрели антисемитизм (скрытый, по намекам, но это, как выразился некто, еще хуже), русский шовинизм (несовместимый с христианским пониманием) и обвинение меня в монархизме (за преклонение перед муками последнего Русского Царя). Я не знаю, что двигало моими обвинителями, может быть даже искреннее беспокойство обо мне, как священнике, чтоб я не служил своей христианской деятельности. Хочу высказаться прямо и искренне, чтоб меня поняли правильно, не было кривотолков, успокоить моих доброжелателей и не дать повода обвинителям бросать камень в христианского священника.

1. Антисемитом я никогда не был, не буду и не хочу быть — это в самом деле недостойно христианина. Но хочу поставить вопрос, что считать антисемитизмом? Всякое критиче-

ское упоминание о еврейском народе или ненависть к нему? Если критическое упоминание, то это значит сказать белое на черное, закрыть глаза на преступления, служить идолу вместо Бога. Этого я не могу. Но если я поступаю иначе, то это не от ненависти, а от любви. Плохой тот друг, который закрывает глаза на недостатки, более того, он делается участником преступления. Можете меня считать антисемитом, таким я себя не признаю. И вас считаю предвзятым и нечестным. Более того, указываю на ваш антирусизм, он также отвратителен, как антисемитизм. Антирусизм я выделил с определенной целью, потом будет ясно.

2. Русским шовинистом я не был и не буду, это все равно, как и из еврейского, так и из русского народа сделать идола, а я не идолопоклонник, а христианин, верю в Единого Бога, у Которого нет эллина и иудея . . . Однако я люблю свой русский народ и болею о нем. И вы, обвиняющие меня в антисемитизме, становитесь не кем иным, как антируситом, за мою любовь к русскому народу делая меня антисемитом.

Мой взгляд на еврейский и русский народ такой. Еврейский — богоизбранный. Богоизбранный — не богоисключительный. Богоизбранный значит избранный Богом на хранение истины о Мессии-Спасителе мира. Донеся истину до ее осуществления, этот народ радуется, что послужил тому, что все народы становятся избранными к спасению. Требовать себе привилегий — сесть по правую сторону! — не знать, чего себе желать. Чашу пить будете, — вот наш удел, всех народов в этом мире! — а сесть по правую сторону зависит от Отца Небесного. Русский народ — богоносный в силу страданий, выпавших на его долю, и за его жажду Бога. В этом он, как и еврейский народ, одинаков: те несли миссию о Спасителе к ее осуществлению, эти несут истину о Спасителе в ее осуществлении, а она в крестоношении. Как тот, так и другой народ гонимы, несут крест. Но у того народа, поскольку он ожесточился к своему Спасителю, крест гонение ищет разрешения в этом мире, поэтому и восстановление Израиля; у этого крест неразрешим, — остается надежда только на Бога, ни у кого нет сочувствия к этому: коммунисты его истребляют в лагерях и тюрьмах, фашисты в плену и на фронте (более несчастного пленного, чем русский, не было), империалисты (англичане и американцы) в предательстве беззащитных на верную смерть (см. книгу «Последняя тайна»). Но я иду дальше. Богоисбранным и богоносным народом может

быть и должен быть каждый народ, это не привилегия, а служение. Богоизбранным и богоносным народом определенный народ становится только вначале, как положить доброе начало, выполнять должны все народы. Заканчивать, может быть, выпадет миссия на определенный народ, а миссия эта — распяться за других. И если выпадает эта миссия на русский народ — распяться за других! — я радуюсь, что принадлежу к русскому народу, может быть, оттого и пророчество: русский народ должен сказать новое слово всему миру, я утверждаю — должны заговорить русские мученики! — это в самом деле будет новое слово, дай Бог, чтоб оно приурочилось ко дню прославления русских мучеников.

На любви к своему народу я учусь любить христианской любовью все народы. Более того, говорю: кто не любит свой народ, тот не может любить и другие народы. Любовь конкретна, проверяется через определенного человека. Тут кстати можно привести слова апостола Иоанна Богослова: если ты говоришь, что любишь Бога, а брата ненавидишь, — ложь есть. Как ты можешь любить Бога, Которого не видешь, если брата, которого видишь, — не любишь? Нельзя любить народы в своем воображении, которые где-то, если народ, который с тобой, рядом, на одной земле, дышит одним воздухом, не вызывает в тебе любви. Ложь есть твоя любовь! и ты шовинист, а не кто-то другой, ты делаешь из любви к народам своего идола и любишь только себя, а не народы. Ты шовинист самого себя. Я отрицаюсь от такого шовинизма и никогда им не буду. Русский народ — это моя любовь к Распятому Богу за все человечество. Преклоняясь перед страданиями русского народа, я преклоняюсь перед страданиями Самого Христа (сделали меньшему, Мне сделали, — говорит Христос).

И 3. Не понимаю, как за преклонение перед страданиями Русского Царя — это все равно, что преклониться перед страданиями Царя Небесного, опять по тому-же утверждению: сделали меньшему, Мне сделали, — можно назвать меня монархистом. Я священник, иерей царя Небесного — Господа нашего Иисуса Христа, а не политический деятель-монархист. Для меня не существует политических делений, партий, хотя, как человек я могу к тому или иному явлению питать симпатии, но мое служение священника — это как служение Христа — спасение всех. Во Христе нет эллина и иудея, но именно во Христе, без Христа всегда будет эллин и иудей.

Ни с эллинской, ни с иудейской позиций нельзя разрешить конфликта национального.

Еще раз повторяю: эти мои слова не оправдание перед моими обвинителями. Я не считаю себя виновным в том, в чем меня обвиняют, и я очень жалею о тех, которые на мое служение смотрят со своих узких позиций. Хорошо говорится: обвиняешь другого — посмотри на себя: нет ли в тебе тех грехов, которые ты видишь в другом.

Эти слова я должен был высказать для того, чтоб без смущения смотреть в глаза любого человека, с которым я сталкиваюсь.

Я ваш брат во Христе, священник — это мое служение перед Богом за всех людей, без различия национальностей. Оттого я, русский священник, имею духовных детей нерусского происхождения. Мне хочется, чтоб мы искренне, без подозрения и обвинения проходили свой жизненный путь и достигли все желанных берегов Царства Небесного. Помоги нам всем Бог!

Священник Дмитрий Дудко.

12 января 1979 г.
Москва

«ГДЕ БЫЛИ ВЫ?»

Служа царю беспечно и небрежно,
Ему не жертвуя ничем и ничего,
Любили-ль вы его восторженно и нежно,
Болели-ль вы душой всечастно за него?
 И в памятные дни, пред смутой всенародной.
 Когда он всех нас звал к святыням алтаря,
 Окликнулись-ли вы на голос благородный
 Многострадального, пресветлого Царя?..
Что делали вы все, когда, один с врагами
Приехав в старый Псков по рельсам он бродил.
И белый вешний снег алмазными звездами
Его чело печальное крестил?
 Где были вы? — вы, рыцари присяги!
 О, почему в тот миг, отвагою горя,
 Не обнажили вы свои мечи и шпаги,
 Чтоб ими защитить несчастного Царя!

И на глазах у вас вошли к нему злодеи,
И бармы и венец покорно он отдал,
И в Царское Село стекались фарисеи,
И пьяный гарнизон монарха оскорблял...
Тянулись мрачно дни, и, раннею зарею
От синих, гордых волн красавицы Невы,
Отправили в Сибирь его со всей Семьею,
А в этот миг, негодовали-ль вы?
О, думали-ль тогда вы о его спасеньи?
Надеялись-ли вы на что и на кого?
Готовили-ль в те дни, в тревоге и волненьи
Заветный план, чтоб выручить его?
Что делали вы все, забыв его заслуги?
Пытались ли его из каторги спасти?
Вы помогли-ль ему, как преданные слуги,
Тяжелый Крест по торжищим нести?
Святой Семьи страдания и муки
Не возмутили в вас закостенелый дух,
Подсев к костру, вы молча грели руки
И ждали, прятаясь, как запоет петух...
И он погиб, убитый палачами,
Он шедший в мир для мира и добра...
А вы!.. Вы плакали-ль бессонными ночами
Слезами горькими апостола Петра?

С. С. Бехтеев.

А. В. Борщов

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ.

1-ый Кадетский Корпус

ПЕТЕРБУРГ 1900 - 1909

Воспитание кадет в Первом Кадетском Корпусе в ту отдаленную ныне эпоху начала столетия, тесно связано с именем нашего **главного воспитателя** — ныне давно покойного Е. И. В. Великого Князя Константина Константиновича.

Он был исключительной и **исторической** личностью. Участник Русско-Турецкой войны, Георгиевский Кавалер, много лет, своей жизни отдавший строевой службе в Л. Гв. Измайловском полку, любивший военное дело и свою службу — он оставался одновременно человеком высоко-культурным и талантливым поэтом. — Кто не знает чудных стихов «К. Р.»

Августейшему Президенту Академии Наук как нельзя, лучше подходил и пост Начальника Военно-Учебных Заведений. Кому как не ему был близок и понятен тезис, что хорошая Армия должна иметь блестящий офицерский состав... блестящий не только в отжившем уже понимании внешней выправки и муштры, когда то неудачно привитой нам Павлом Первым, но **культурный** и **воспитанный** в первую очередь офицер, способный сохранить традиционную Николаевскую внешность, не в ущерб моральному, культурному и научному постоянному совершенствованию. — Не отставать от века и технической эволюции военного дела, а эту необходимость Россия не могла не видеть на примере Франко-Прусской войны 1870 года. — Не надо забывать что либерально-революционные веяния охватили русское общество с добрых полвека уже, а кадеты и юнкера постоянно соприкасались в повседневной жизни с тлетворными веяниями «нигилизма» — к сожалению уже достаточно таки пустившего корни в гражданских учебных заведениях — особенно в Университетах... От всего этого надо было оберечь наши юные души, падкие порою на разного рода подпольные нашептывания... Великий Князь Константин отлично понял что борьба со злом не могла рассчитывать на успех одними только **репресивными** мерами.

Откуда несправедливость обвинений Великого Князя некоторыми военными «старой школы» в том что он, яко-бы распускал Кадетские Корпуса. Если некоторая распущенность и наблюдалась в иных провинциальных корпусах, то по справедливости, ответственность за это ложится на директоров и воспитательный их состав. Выше я указал что Великий Князь смотрел на репресивные меры, как на крайность иногда безусловно необходимую, но не являющуюся основным методом воспитания.

Как хороший психолог, он был безусловно прав. «Палочная дисциплина» 18-го века по фридриховским заветам, по духу своему не могла подойти к русским традициям.

Кладя в основу воспитания **моральный элемент** Великий Князь Константин требовал в первую очередь **религиозное** образование, исторически связанное с русским патриотизмом.

Всем поступавшим кадетам от Корпуса давался красиво переплетенный том Библии с русским и славянским текстом (издание Синодальной Типографии). На первой странице была соответствующая надпись за подписью Директора и печать Корпуса. Я не могу припомнить текст надписи, но смысл ее был такой: эта Библия есть благословение Корпуса и напутствие на всю грядущую жизнь будущего офицера Русской Армии. Каждое утро перед уроками дежурный по отделению кадет должен был громко читать соответствующий текст на данный день, указанный на таблице приложения. Так по приказу Великого Князя это делалось у нас все семь лет моей корпусной жизни.

А наше военно-историческое воспитание, — обилие батальных картин, Корпусной Музей и культ военной старины, — кто как не Великий Князь был главным инициатором и проводником этого воспитательного приема? Кому мы, когда-то мальчики-кадеты, а ныне... седовласые старики обязаны сохранением на всю жизнь неумирающего чувства любви и гордости к нашим старым "Alma Mater" Кадетским Корпусам Российским, независимо от того будет он Первый Столичный, либо последний провинциальный.

Да имя нашего Первого Воспитателя — Великого Князя Константина Константиновича останется навеки записанным золотыми буквами в Истории России и, в частности, ее военно-учебных заведений начала текущего века.

О преподавательском и воспитательном составе родного Корпуса, скажу так: — Первый был «ниже среднего», в об-

щей сумме личностей, а второй несомненно «выше среднего». В этом я убедился уже за время Училищных лет, когда пришлось близко познакомиться с товарищами из иных Корпусов.

Часто и долго думал я об этом многие годы жизни на чужбине, откуда это; какова вероятная причина этого явления? Несовершенство учительского состава — продукт материального характера, если хотите — результат «бюджетных соображений», Военного Министерства. Учебная смета даже «Первого» Корпуса не позволяла пользоваться исключительными услугами профессоров и приват-доцентов нашего соседа Императорского С. Петербургского Университета.

Но что касается состава воспитателей — то они, право, за деньги не покупались. 80 % из них были бывшими нашими-же кадетами, росли и воспитывались в тех-же старых стенах что и мы — успели впитать в себя тот-же дух Корпуса, то-же сознание что из под гранитных сводов былого Меньшиковского Дворца, из глубины многих десятилетий вышли и Румянцев, и Прозоровский, и Суворов, и Кутузов, и Ростовцев — все строители Императорской России и ее мирового престижа.

Прошлое увлекает сердце и помыслы рода человеческого. Прошлое **обязывает.**

Дабы дать читателю полную картину впечатлений, полученных нами, первоклассениками от корпусной жизни с ее традиционной обстановкой за этот вступительный 1900-1901 учебный год, я приведу одну сцену, глубоко — врезавшуюся мне в память.

В один из будних дней второго полугодия, последний урок был отменен и, в третьем часу пополудни все роты были собраны в большом зале. В чем дело мы точно не знали, но догадывались что будет сообщено что-то особо-важное. Когда наша «четвертая» входила в зал последней, то мы увидели первую роту на правом фланге «батальона» выстроенную в полу-ротной колоне, с винтовками. Офицеры ее — в строевой форме — сюртуки, подпоясанные шарфами, белые револьверные шкуры посреди двойного ряда пуговиц и в белых перчатках. Пронеслись команды равнения, затем: «Смирно, Господа офицеры!».

Появился директор, поздоровался с нами. Грянул дружный ответ: «Здравия желаем . . .» Затем на середину фронта вышел

и. д. адъютанта корпуса, Шт.-Кап. Перегородский[1]) с бумагой в руках. — Директор дал знак командиру первой роты-рука в белой перчатке полковника Бенземана схватила эфес шашки и пронеслась его, слегка картавая команда: «Ша-а-а-й, на кра-а-а-ул»... Брякнули ружья, сверкнули шашки салютующих офицеров и... все замерло... Перегородский поднял бумагу к глазам и началось его громкое, отчетливое чтение: — «Приказ по Армии и Флоту... Его Величество Государь Император в такой-то день Высочайше повелеть изволил... вернуть 10-ти старейшим Корпусам... далее они перечислялись начиная с нашего конечно — их исторические знамена, ныне находящиеся на хранении в Зимнем Дворце»... Таково общее резюме, Приказа, оставшееся у меня в памяти за 50 лет.

После этого пронеслась команда: «К но-ге». Ритмичный звук и стук прикладов о паркет с лязганьем офицерских шашек в ножнах. Опять все замерло в ожидании что скажет Директор.

Полковник Покатилло, в кратких словах пояснил нам смысл Высочайшей Милости, с указанием что наше знамя дарованное Корпусу в 1822 году Государем Николаем 1-ым было сдано в Зимний Дворец в семидесятых годах... когда старые корпуса были переформированы в «военные гимназии» — Александр III восстановил Корпуса, но, ныне Царствующий Государь Император идет дальше, и в целях сохранения духа и исторических традиций, возвращает нам знамя, что конечно является высокой нам честью и Милостью Монарха.

— Мы стояли как зачарованные... у нас будет настоящее военное знамя... эта мысль нас конечно преисполняла радостью и гордостью.

После этого прогремела как-то особенно в наших ушах команда самого Директора: — «Корпус смирно... первая рота... под знамя... слушай на караул». — Стоящий правее 1-ой роты, кадетский духовой оркестр грянул Преображенский марш... и из дверей корридора, ведущего в церковь и музей, появилась опять фигура Перегородского руку под козырек, а за ним в двух шагах «счастливец-знаменщик» вице-унтер-офицер Гильбах со знаменем на левом плече. — Длинное древко увенчанное масивным Николаевским Орлом,

---

1) Штатного адъютанта в корпусах не полагалось, а обычно для парадов назначался один из обер-офицеров-воспитателей исполняющим должность.

под ним бант и две парчевые широкие ленты с золотыми славянскими буквами: Первый Кадетский Корпус — 1832 — год».

Но где-же самое знамя? — мелькнула мысль. Полотнища не было. Это даже вызвало некоторое разочарование. Правда объяснение Директора не заставило нас слишком долго ждать.

Когда адъютант и знаменщик очутились перед срединой фронта 1-ой роты — из-за ее флангов появились с шашками «под высь» два ассистента — кто — именно? — уже не помню — вероятно из младших обер-офицеров, прикомандированных к Корпусу для стажа.

Последовал церемониальный марш. Роты шли во взводных колоннах, со знаменем фланкированным ассистентами впереди 1-ой роты, опять же под звуки Преображенского марша.

Первая рота лихо «на плечо» и сверкая штыками, продефилировала в голове, четко отбивая шаг. — Мы — четвертая — старались во всю и кажется прошли прилично в смысле равнения «на ходу» . . . Неслось приветствие Директора: «Спасибо первая! Спасибо вторая!» и т. п., а мы подхватывали в такт левой ноги: «Рады стараться, гн. полковник».

После «относа знамени» с тем-же церемониалом как и «выноса» и команды Бенземана «К но-оге», полковник Покатилло пояснил нам историю полотнища знамени: — Когда расформировывался старый Николаевский Корпус, то последний выпуск получил разрешение взять себе на память по кусочку знамени — таким оразом полотнище все ушло по частицам — реликвиям. На древке остались только узкая полоса с золотыми шляпками гвоздей . . . Были оставлены нетронутыми лишь обе широкие парчевые ленты. — Далее Директор пояснил что по Уставу «честь ношения знамени принадлежит в войсках **достойнейшему** унтер-офицеру.

Таким образом Гильбах стал у нас «героем дня». Так кончился этот знаменитый день в истории нашего Корпуса, а для меня это остается навсегда памятным мне «моим первым военным парадом».

О счастливая, невозвратная юность! Сколько светлых воспоминаний оставила ты нам, бывшим кадетам Корпусов Российских. — Хорошие памятные назидательные образы прошли у нас перед глазами.

И прав поэт, сказавший нам в утешение:
— Не говори с тоской — их нет.
Но с благодарностию — были.

Весной, в апреле месяце началась подготовка к «Майскому параду». В нем, собственно говоря, принимала участие только наша первая — «строевая» рота в составе сводного баталиона от всех четырех Корпусов: — 1-го, 2-го, Александра II и Николаевского. Однако все кадеты, были крайне заинтересованы приготовлениями к Высочайшему Смотру Войск Гвардии и С. Петербургского Гарнизона.

Хотя он именовался «Майским», но обычно назначался на последние дни апреля — до выступления войск в Красносельский лагерь. При нашем Корпусном здании был громадный плац, делившийся, собственно говоря на два плаца — первый, непосредственно примыкающий к зданиям песчаный и второй — зеленый, поросший газоном и уходящий вглубь к старому парку, обнесенному высокой стеной. О последней, в известной степени — исторической я поговорю особо в будущем.

Так вот, на зеленый плац начинали приходить к нам по-очереди разного рода военно-учебные заведения — Павловское Училище, Морской Корпус, первые роты остальных Корпусов и Пажеский Корпус. — 1-ая рота специальных классов и 2-ая рота — 6-ой и 7-ой классы. Все они репетировали Церемониальный Марш — размеры плаца легко позволяли гонять там не только батальон, но и целый полк военного состава! — Младшие роты наши были зрителями и конечно восторгались «никем не превзойденое выправкой 'Павлонов'». Однако, скажу по совести, несколько подтрунивали над «моряками». Сводно-Кадетский батальон обычно гоняли вместе с пажами и командовал им штаб-офицер Пажеского Корпуса, верхом в сопровождении конного же адъютанта.

Гоняли основательно... мы безконечное число раз слышали все одну и ту же команду Пажеского офицера: «Батальон... кругом... марш!»

Сверкали штыки и гулко несся удар «с носка» — ать, два, три, четыре... Я говорил выше о морских кадетах и гардемаринах. Когда они появлялись своим батальоном в «голландках» и с патронными сумками «через плечо» (что одно уже кололо наши «сухопутные глаза) наша «галерка» не теряла случая позубоскалить: — «Смотрите, смотрите... морская кавалерия! Вот это здорово!.. Ха-ха-ха!..» Действительно в

голове моряков две конных фигуры в морской черной форме и сапоги со шпорами! Командир батальона и адъютант. — Зрелище нам казалось... особо-забавным!

Помню как в день самого парада мы, конечно, пользовались отпуском и я отправился на Марсово Поле, но быстро убедился в том что там я ничего не увижу. Фасад вдоль Летнего Сада был занят трибунами, а по остальным трем сплошная стена народу, удерживаемая полицией и натянутыми канатами. Помня рассказы о Ходынке, я не рискнул протискиваться в первые ряды и решил остаться на Садовой улице, где ожидали очереди дефилирования колонны гвардейской кавалерии. Всадники были спешены и держали лошадей в поводу. Я очутился на уровне Кирасир — не помню точно какого из двух полков.

Подождав некоторое время, я решил пройти дальше по тротуару, где публика циркулировала довольно свободно, без давки. — В это время раздалась команда: «Садись!..» и головной эскадрон двинулся вперед.

Впереди ехал Командир полка, а за ним — штандарт. И тут-то вот получился для меня полный конфуз: глаза разбегались глядя на «море» кирас, касок, ярких вальтрапов и таких-же флюгеров на пиках. Штандарт поровнялся со мною в тот момент когда я шел по тротуару и я просто, как говорили у нас «отмахнулся», приложив руку к козырьку. А затем услышал резкий окрик командира полка: «Кадет! штандарту полагается стать во фронт!..» Покраснев как рак я, весьма неуклюже проделал эту церемонию в пустой след удаляющемуся штандарту, когда я очутился уже против второй шеренги головного взвода.

Этот, строго говоря, мальчишеский промах, так нестерпимо больно ударил меня по самолюбию, что испортил настроение на целый день.

Помню как вернувшись домой, я все это тщательно скрыл от мамы и всей семьи Ермоловых. — Как это я мог забыть такую важную статью Устава? — вот тебе и старший в отделении! Эта мысль и пережитый конфуз долго меня преследовали . . .

Осенью 1901-го года в Корпусе было лестное для него событие. Директор, перед собранными в Большом зале ротами, объявил нам, что у него только что был старший сын Великого Князя Константина Константиновича, князь Иоанн

и просил зачислить его кадетом 4-го класса. Тогда-же мы узнали, что второй сын Великого Князя, князь Гавриил был одновременно зачислен в 1-ый Московский Корпус. — Их Высочества должны были проходить курс у себя в Мраморном дворце, но бывать у нас ежедневно на строевых занятиях, если не ошибаюсь 1-го отделения 4-го класса. — Кадетам было сказано, что обращение к Князьям должно быть без титула, а просто Иоанн Константинович, Гавриил Константинович. Это требование самого Великого Князя.

С этого момента постоянно видели князей в стенах Корпуса и на плацу, в строю их класса. Воспитателем у них был подполковник Грегер. Их издали легко отличали по высокому росту и медалям на голубой ленте на мундирах. Кажется это были медали в память Коронации.

Любимой кадетской игрой на плацу была лапта, — кстати сказать, игра отличная, высоко спортивная и чисто **русская.** Но почему-то в те времена иные считали ее слишком демократической, крестьянские дети, мол, в нее играют. Заграничная игра — крокет, тенис и едва нарождавшийся футбол, считались более «фешенебельными». Оригинальный курьез русской «светской» психологии той эпохи.

Так вот свидетельствую: в 1-ом Кадетском Корпусе моего времени лапта была игрой вполне аристократической. Их Высочества князья Иоанн и Гавриил Константиновичи ею очень увлекались. Через пол-столетия я вижу еще перед глазами князя Иоанна, бегущего стремглав из «города» в «пригород» и ловко пригибающего свою длинную фигуру, когда у него над самой головой пролетал «пятнающий» мяч. Приведу еще один курьез: в Корпусе Императора Александра II (на Садовой улице) в лапту тоже играли, но для большего шика, либо культурности, как хотите, мяч посылался не «русской» палкой (что не так уже легко), а «английской» тенисной ракетой. Что конечно было легче.

Если память мне не изменяет, в конце учебного 1901-1902 года в Корпус были приняты по Высочайшему повелению два абисинца — один длинный, другой — среднего роста, оба поступили в 5-ый класс. Забавно было видеть их черные лица в общем строю 2-ой роты. — Директор пояснил нам, что оба они сироты — отцы их были убиты на войне с итальянцами и Негус отправил их в Россию как православных, для получения военного образования.

Первому Корпусу было уже не впервые иметь «экзотиче-

ских» кадет. В семидесятых годах у нас воспитывались три сына знаменитого Шамиля, они потом служили в Конвое Его Величества.

Длинный абиссинец был неудачником. Учился плохо, вышел в Николаевское Кавалерийское Училище, оттуда его кажется уволили, — куда делся не знаю. Короткий по фамилии — Тэкле — кончил хорошо, был принят в Михайловское Артиллерийское Училище, прошел его три курса к 1907 году и уехал к себе в Абисинию — вероятно на высокую должность, «по специальности». В эмиграции я узнал, что Тэкле сделал у себя на родине большую карьеру, как военную, так и дипломатическую. Незадолго до последней войны с фашистской Италией, он был послом в Париже и симпатично относился к русской эмиграции вообще и к Обще-кадетскому объединению, в частности. Русского языка не забыл.

Любимым зимним спортом кадет был каток на плацу и ледяные горы, с которых скатывались «на лубке». Моими коньками были «Снегурочки», но я все мечтал об «Яхт-Клубных» постоянно привинченных к особой паре обуви. Однако они стоили дорого и пришлось отказаться от этой роскоши. — Большим развлечением были также «баталии» снежками- — обычно ходил «класс на класс», либо «рота на роту». Помнится мне одно «генеральное сражение» всем корпусом. Для равновесия шансов 1-ая рота была с 4-ой против 2-ой и 3-ей. — Атака и оборона снежного вала вокруг катка велась под руководством дежурных воспитателей. Особенно отличался конечно «балерина» Иванов, получивший, правда, не малое количество попаданий снежками, так что сюртук был весь залеплен снегом. Пленных, как общее правило — «купали» в рыхлом снегу.

В конце января 1904-го года неожиданно разразилась гроза на Дальнем Востоке — Русско-Японская война. — Живо вспоминаю как общественное мнение было сперва страшно возмущено предательским нападением Японского флота на Порт-Артур. Когда-же до Петербурга дошли вести о героическом бое и гибели «Варяга» и «Корейца» в порту Чемульпо, то взрыв патриотизма был неописуемый.

Молодые офицеры Гвардии стремились на фронт — пехотинцы в Восточно-Сибирские стрелки, а кавалеристы — в Забайкальские казачьи полки.

Помню, как традиционный бал в Зимнем дворце был отменен и мы кадеты, получили по приказу Государя не мало

вкусных вещей, заготовленных для ужина гостей — индеек, фазанов, сластей, фруктов и пр. — Все это поедалось добрую неделю, весьма кстати оживляя наше скромное и однообразное меню.

— Увы, энтузиазм первого месяца войны начал скоро падать... Петербургская публика недоумевала почему оффициальные телеграммы «Нового Времени» не возвещали нам громких побед? — Тягостное впечатление произвел бой на границе Кореи и Манчжурии — отход Корпуса генерала Засулича от реки Ялу, большие потери — правда 11-й Восточно-Сибирский полк покрыл себя славой, прорвав штыковой атакой Японское кольцо, но как будто-бы батареи остались в руках неприятеля.

Еще худшее впечатление произвело известие 31-го марта о гибели «Петропавловска» и Адмирала Макарова в Порт-Артуре. На последнего ведь возлагались такие надежды!..

Спасение Великого Князя Кирилла, бывшего в Штабе Макарова в общем — я это хорошо помню, было встречено довольно таки холодно. Все жалели Макарова и отчасти Верещагина, талантливого художника-баталиста. Кто не знал в России его чудных картин 1812 года и Турецкой войны. Помню что мы, кадеты, особенно увлечены были войною и осаждали вопросами наших воспитателей. Наш милый Януш, ветеран Турецкой войны каждый день перед завтраком, когда рота была построена в классном коридоре, приходил к нам и возвещал сводку телеграмм, с фронта, но он, иногда, по старой памяти, говорил о потопленных в Артуре «турецких» брандерах, а затем, спохватившись, добавлял: «не турецких, а японских!..»

Думаю я теперь: разве это не было характерным симптомом, малой популярности всей этой «Японской авантюры?» — Старые турецкие войны были близки и понятны русскому сердцу — борьба Креста с Полумесяцем — эта высокая идея волновала русские души из поколения в поколение. Жертвы и усилия заранее оправдывались. — А Японцы? кто они такие? Каковы **истинные** причины конфликта с ними?..

Да неужели-же все это вызвано меркантильным спором о «Лесных концесиях на Ялу?» и только в интересах господ Безобразовых Вонлярлярских и прочих?

Левая наша общественность пожимала плечами и говорила вполголоса: «Это интриги дворцовой камарильи».

Увы, через полстолетия мы уже знаем, что доля правды тут была, к сожалению.

Факт остается фактом: Россия 1904 года к этой войне оказалась неподготовленной — и морально и материально. Избежать ее было **можно и нужно.**

Легкомыслие, проявленное тогда правящими верхами — **дипломатическими и военными,** было большое и тяжелым камнем легло на дальнейшую трагическую судьбу Русской Империи.

Говоря о военных кругах, ответственных за Дальне-Восточные дела 1904-1905 года надо иметь прежде всего ввиду фигуру Военного министра. Генерал-адъютант Алексей Николаевич Курапаткин был кадетом 1-го Кадетского Корпуса, производства в офицеры начала семидесятых годов прошлого столетия. — В Корпусном Музее я видел его красивый чертеж полевого орудия, подписанный: «чертил и иллюминовал унтер-офицер Алексей Куропаткин». Точную дату я не припомню. Вспоминая этот чертеж, я свидетельствую, что выполнен он был очень тонко, красиво с массой мелочных чертежных подробностей. Одним словом — на двенадцать баллов...

Так вот в этой добросовестной, мелочной работе исполнения проскальзывает и весь характер автора — будущего ответственного руководителя Военного Ведомства и Главнокомандующего Манчжурских Армий. Добросовестность, медлительность, мелочность и скажу даже в известной мере — **бездушность...**

Все строго продумано, взвешено в рамках текущего момента и данной задачи. Все творчество ограничено незыблемыми принципами, принятыми за священный постулат — Петровского завета: «Не держися Устава аки слепой — стены», А. Н. Куропаткин видимо не одобрял. Я не скажу — не понимал, — ибо по всем свидетельствам он был человек умный и с большой военно-научной эрудицией.

Но... «священного огня дерзания» по Суворовским заветам не дано было Свыше его, по природе мелочной, душе. Повторяю еще раз: прекрасный человек на ватманской бумаге, поразительно характеризует его талант, либо отсутствие такового. История показала что второе предположение достаточно обосновано.

Однако по справедливости, я считаю долгом защитить па-

мять давно покойного моего однокашника. — Не зря Скобелев ценил своего начальника Штаба, не зря поручал ему ответственные задачи в Туркестане и на Балканах, не зря представлял к высшим военным наградам. Еще в чине капитана Генерального Штаба, Куропаткин с честью носил все боевые ордена до ордена Св. Георгия 4-ой степени и золотого Оружия включительно. — Раненый и контуженый, Куропаткин всегда возвращался в строй при первой к тому возможности.

Унтер-офицер Гренадерской роты, Алексей Куропаткин достойно выполнил на поле брани, все лучшие вековые заветы нашего родного Корпуса. Мир праху его!..

Правда, иные писатели-мемуаристы ставят в вину генералу Куропаткину наличие у него, на высоком посту Военного министра начала столетия, некоторой доли карьеризма и даже придворной лести. Возможно, что эти упреки частично обоснованы. Кому как не ему надлежало убедить Государя Николая II в риске и ненужности войны с Японией.

Однако он не был единственным советником Государя Императора. Министр Иностранных дел граф Муравьев гораздо более ответствен за всю ту азартную и неудачную дипломатическую игру, которая велась вокруг пресловутых Ялуйских концессий. Оккультное влияние некоторых дворцовых сфер ныне уже достаточно установлено!

Остается мне добавить некоторые корпусные воспоминания о генерале Куропаткине.

Мы видели его регулярно один раз в году накануне Корпусного праздника 17-го февраля. — Парад в день Праздника обычно принимал Великий Князь Константин Константинович. Поэтому Военный министр не желая быть «вторым» на этом торжестве, предпочитал присутствовать накануне у Всенощной в Корпусной церкви. Обычно до начала Богослужения роты выстраивались в Сборном зале. Появлялся Куропаткин, здоровался с нами и медленно обходил фронт, сопровождаемый Директором и своим личным адъютантом. — Хорошо помню его низкорослую, коренастую фигуру, в свитском сюртуке с золотым аксельбантом — Георгий в петлице и Георгиевский темляк на золотом эфесе шпаги. Я не помню что-бы он когда-либо обратился к Корпусу с приветственной речью. Затем роты шли строем в Церковь Куропаткин следовал за нами и обычно мы видели его входящим в Алтарь через Северные Двери, не снимая шпаги! — Надо сказать, что многие из нас были генеральскими сыновьями и отлично знали обы-

чай требовавший от военных снятье оружия перед входом в Алтарь. Вот и шли потом разговоры за вечерним чаем: «Заметили, господа, Куропаткин-то на него закон не писан... лезет в Алтарь при шпаге!..»

Эх, дорогие мои сверстники-товарищи первого отделения! Где вы теперь? Доживаете-ли как и «ваш старший» свой грустный век на далекой чужбине, либо ушли в лучший мир? Большинство из вас ведь служили потом в пехоте, этой несравненной героической **русской пехоте.** Сколько из вас доблестно пало в боях на громадном, от моря до моря тянувшемся, фронте Великой войны? — иные из вас, возможно, погибли и в подвалах Ч. К., и на полях сражений Гражданской войны, есть что и умерли в зарубежьи!

И снится мне порою нечто, похожее на «Ночной смотр» в переводе Жуковского...

«В двенадцать часов по ночам, из гроба встает барабанщик...

И ходит он взад и вперед... и бьет он проворно тревогу». И вот, среди бесчисленных теней времен давно минувших, вижу я и вас, родные друзья, славные кадеты нашего Славнейшего Первого Корпуса, вы бродите долго по полуночному полю в поисках того что влечет вас из мрачной могилы, и что светит вам уже издалека, манит вас, зовет к себе.

Это массивный Орел Николаевский и две парчевые, золотом шитые ленты под ним со славянской вязью: «Первый Кадетский Корпус — 1832» — Наше 120-летнее корпусное **Знамя!**

Под сенью его мы все оживаем и всем нам хочется на весь мир возвестить богатырским голосом: «Мы — русские — С нами Бог! — Да воскреснет **Наша РОССИЯ!..**

Эх, родные, незабываемые мои товарищи, честно в боях живот свой положившие, — как я, порою завидую вашей славной доле ибо «мертвые срама не имут!».

А. В. Борщов.

М. Каратеев.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

(Главы из книги «БОГАТЫРИ ПРОСНУЛИСЬ»)

1380 г. – 600 лет – 1980 г.

За день до начала похода, Дмитрий Иванович, с главными воеводами, отправился в Троицкую обитель. В ту пору митрополита в Москве не было, преподобный же Сергий Радонежский несмотря на скромный сан игумена, являлся наиболее чтимым на Руси пастырем и потому именно от него хотел русский государь получить благословение на ратный подвиг.

С радостной легкостью поддавшись охватившему его ощущению близости Бога, Дмитрий горячо молился. Но шепча, по привычке, заученные с детства слова уставных молитв, он внезапно осознал, что они не вмещают тех чувств, забот и тревог, которые тяжелым грузом лежали на его душе. И сердце нашло и подсказало ему иную молитву, — простую и немногословную, но чудесным образом выразившую все: — «Господи великий, — шептал он, — услыши молитву мою, на Тебя одного уповаю! Не дай погибнуть Руси! Сколько уже претерпела она, страдалица, нету силы еще терпеть! Пособи же верным сынам Твоим одолеть врага, благослови оружие наше! Ты видишь, Господи: не ради возвеличения своего обнажаю я меч, а в защиту родной земли и неисчислимых святынь Твоих. Вложи же в этот меч всю разящую силу Твою, а жизнь мою, коли нужно, возьми, — с радостью предстану перед Твоим святым престолом, исполнивши земной долг мой!»

Окончив службу и не ожидая когда великий князь подойдет под благословение, Сергей, с золотым распятием в руке, сам направился к нему и осенив его широким крестным знаменем, сказал:

— Буди здрав на многие лета, великий государь! И да исполнит Господь твою молитву!

Часом позже, после скромной трапезы, давая последнее напутствие великому князю, Сергий сказал:

— Знаю, много прольется христианской крови и ангелы Божьи уже плетут в небесах неисчислимые мученические

венцы. Но ты, княже, своего еще не возденешь, ибо прежде того украсится чело твое венцом славы. Ты вернешься с брани живым и с победою!

— Да услышит тебя Господь и да исполнит Он по слову твоему, отче, — взволнованно промолвил Дмитрий. — Не себе славы ищу, а величия и блага Руси! И еще прошу, отче Сергий, дай мне на поход кого-либо из Братии твоей. В том будет великая помощь войску моему, ибо укрепится оно духом, видя с собою на ратном поле посланца и молитвенника твоего!

— Добро, — сказал Сергий, минутку подумав. — Двоих тебе дам братьев, иноков Пересвета и Ослябю. Крест животворящий ныне избрали они своим оружием, но коли дрогнет твое войско и будет надобно примером ободрить его, — благословлю их и мечом постоять за Христову веру, ибо были они в миру славными витязями1*). Иди же, сыне, Бог приведет тебя к победе!

Двадцатого августа 1380 года, — Дмитрий Иванович с войском выступил из Коломны и через три дня прибыл к месту переправы.

Здесь уже находился, со своим отрядом, князь Владимир Александрович Серпуховский, который не терял времени даром: часть его людей разведывала броды через Оку, помечая каждый из них двумя рядами шестов, вбитых во дно реки; все остальные валили в лесу дерево и вязали плоты для перевозки телег и клади.

На следующий день подошел отряд Тимофея Вельяминова и началась общая переправа, продолжавшаяся три дня. Наконец, к вечеру двадцать седьмого августа, вся огромная рать, тысячи голов скота, предназначенного для ее прокормления и бесчисленные обозы оказались на правом берегу Оки. Краем рязанского княжества тронулась дальше, растянувшись на много верст.

Погода стояла жаркая, — когда шли степью, солнце палило тяжело снаряженных воинов изнуряющим зноем, в лесных местностях было легче, но тут сильно задерживала теснота дорог и потому войска двигались медленно. Только четвертого сентября подошли к большому селу Березуй, в верховьях Дона, где Дмитрий решил сделать дневку, чтобы подождать отставшие обозы. Вечером того же дня, разведчики

*) Иноки Александр Пересвет и Родион Ослябя до пострижения были боярами и воеводами Брянского княжества.

Петр Горский и Карп Олексин доставили сюда захваченного в плен татарского мурзу, который на допросе сказал, что орда Мамая перешла на правый берег Дона возле Кузьминой гати, повыше Красивой Мечи, и сейчас находится в трех переходах от Непрядвы, где она должна соединиться с войском литовского князя Ягайлы, который обещал быть там девятого либо десятого сентября.

Получив это чрезвычайно важное сообщение. Дмитрий понял, что нельзя терять ни часа: нужно было как можно скорее сблизиться с Мамаем и заставить его вступить в сражение до подхода Ягайлы.

Русское войско сейчас же двинулось дальше, по левому берегу Дона и утром шестого сентября стало лагерем против впадения в него реки Непрядвы. В полдень с передовой заставы прискакал сам воевода Семен Мелик и доложил, что татары находятся у Гусиного брода, в одном переходе от них и, повидимому не зная, что войско Дмитрия стоит так близко, — спокойно продолжают двигаться вперед.

Не оставалось никаких сомнений в том, что завтра Мамай будет здесь. Но увидев русское войско на противоположном берегу Дона, захочет ли он немедленно начать битву или, стоя за рекой, будет ожидать подхода литовцев? Последнее казалось более вероятным и это ставило под угрозу не только план Дмитрия, но и весь исход сражения: в этом случае пришлось бы самим переправляться через Дон на глазах у татар и вступить в битву в самых невыгодных для себя условиях, или же, оставаясь на месте и укрепив как можно свой лагерь, — ждать удара объединенных сил Мамая и Ягайлы.

И то и другое было плохо. Но осталась еще одна возможность: перейти на правый берег Дона до подхода татар и занять там удобные для сражения рубежи. Это обеспечивало Дмитрию наибольшие преимущества, но в случае проигрыша битвы, обрекало все русское войско на гибель: находящаяся за спиной река, которая имела тут тридцать пять сажен ширины, при довольно крутых берегах, делала отступление невозможным.

Его решение созрело, но понимая исключительную важность предстоящего шага и связанную с ним ответственность перед родной землей, он все же счел нужным созвать на совет старших военачальников.

На этом совещании мнения разделились. Владимир Серпу-

ховский, братья Ольгердовичи, князья Белозерские, Боброк, Бренко и многие другие горячо поддерживали князя. Но были и такие, которые считали более благоразумным остаться на левом берегу Дона.

— Пусть орда сама идет на нас через Дон, — говорил князь Иван Холмский, — мы ее прямо из реки будем принимать в копья, да еще сколько в воде постреляем!

— Ну, а ежели Мамай не пойдет через реку? — возражали ему. — Тогда что? Нам идти на их копья и стрелы?

— Затем нам идти? Будем ждать. Не для того же Мамай поднял все басурманские земли, чтобы на нас издаля глядеть! Днем раньше, днем позже, а коли мы первыми не сунемся, придется идти ему!

— Он-то пойдет, когда дождется Ягайлу, только нам того попустить нельзя. А может обернуться и похуже: сговорившись с Мамаем, Ягайло перейдет Дон где-либо ниже и ударит нам в спину, когда орда начнет битву.

Разгоревшиеся споры прекратил Дмитрий Иванович. Он приказал боярину Бренку вслух прочитать грамоту отца Сергия, потом сказал:

— Слышали, братья, слово Радонежского угодника? Коли пойдем вперед, Бог нам поможет. А на споры ныне времени нету. Починайте возиться за Дон!

Переправа продолжалась весь день и всю ночь. Конница шла отысканными в разных местах бродами, пешие воины и телеги перевозились на плотах, а к вечеру уже пошли по двум наскоро наведенным через Дон мостам. До самого рассвета на обоих берегах реки пылали громадные костры, освещая места переправы, слышались грохот колес по бревенчатым настилам мостов, ржание коней, окрики воевод и крепкая ругань сорвавшихся в воду людей. Но дело шло споро и еще до полуночи Дмитрий с облегчением увидел, что к восходу солнца все войско будет на правом берегу.

Сам он, — перейдя реку одним из первых, — вместе с князем Боброком-Волынским и с боярином Бренком, до темноты объезжал прилегающую к берегу местность, прикидывая как лучше расположить здесь полки. С наступлением ночи, все трое возвратились к Дону и еще долго сидели, совещаясь, у костра, под береговою кручей, куда великий князь приказал являться с докладом тем воеводам, полки которых уже закончили переправу. Бренко свинцовой палочкой тотчас отмечал их в своем списке.

— А счел ли ты, Михайла Андреевич, доточно, — сколько же есть у нас на сегодня войска? — спросил Дмитрий.

— Счел, государь: без малого двести тысячь и десять.

— Неужели есть столько? Да откуда?

— А вот, коли сумневаешься, погляди запись и сочти сам, — промолвил Бренко, протягивая ему список. — Тут у меня все наши полки расписаны.

«И вот еще какое диво: не ведаю отколь взялся и как сюда поспел, но только, назад тому три дня, пришел к нашему стану Перемский князек по имени Аликей и привел с собою восемь-сот воев. По обличью и по речи не наши, но говорит тот князь, что во Христа верует и что русы ему друзья, а татары вороги и потому хочет он пособить нам супротив Мамая. Ну, я ему сказал, что всякой помощи мы рады и что Русь их службы не позабудет.

— Так вот, княже, если сложить всех воев, коих привели нам эти князья, будет сто сорок и восемь тысяч. Да более шести десятков тысяч собрали мы сами, в наших московских землях, волостях и уделах. Вот, стало-быть и получается всей нашей силы двести и десять тысяч, как я тебе прежде сказал.*)

— Никогда еще Русская земля такого войска не видывала! — воскликнул Дмитрий Иванович.

— Истина, государь. Почитай, вся Русь под твои стяги встала, — промолвил Боброк.

— Ну, не вся, — помрачнев сказал Дмитрий. — Коли не говорить о мамаевом прихвостне Олеге Рязанском, который скорее татарам пособит, нежели нам, — Новгород никого не дал, да и от Тверской земли, и смех и грех, — всего пять тысяч, с князем Холмским!

— Это так. Им своя мошна всего дороже. А вот еще суздальцы и нижегородцы, видно стыда не имут.

— Ну, не скажи: и воев и бояр суздальских да нижегородских у нас в войске немало, — промолвил Дмитрий, — только лишь князя нет ни единого. Отбрехались, что будут, мол, стоять ратью на своих рубежах, — вдруг-де орда повернет

---

*) В многочисленных летописях, сказаниях и иных документах эпохи, численность войска Дмитрия Донского определяется весьма разноречиво: в пределах от ста-пятидесяти до четырехсот-пятидесяти тысяч зеловек, а численность орды Мамая — от двухсот-пятидесяти до девятьсот тридцати тысяч. Точно установить истину теперь, разумеется, невозможно, но при изучении и сопоставлении всех данных, цифры приведенные в этой книге представляются наиболее близкими к действительности.

на их земли, как прежде случалось. Ну и пусть стоят, не надобны они нам... Чай всем еще памятно, как воевали они на реке Пьяне!

— Истину молвил, Дмитрей Иванович! И без них управимся. Господь за нас, да и ратью мы вельми сильны.

— Сильны-то сильны, да ведь и Мамай не слаб. Эх, знать бы сейчас — какова его подлинная сила?

— Андрюшка Попов сказывал — тридцать-пять темь, а Тютчев говорт и тридцати не будет.

— Сказывают разное, а истинного счета орде, поди и сам Мамай не знает. Но я так мыслю, что тысяч триста у него есть беспременно. Это вполовину больше нежели у нас.

Утром Дмитрий собрал старших воевод и князей, и выехал с ними на расстилавшееся по эту сторону Дона обширное Куликово поле, чтобы еще раз осмотреть его и дать указания — как ставить полки.

Это поле, начинавшееся верстах в двух от берега Дона, представляло собой очень широкую, — верст в двенадцать, а местами и шире, — прогалину, с боков окаймленную лесом и длинным языком уходившую далеко на юг. В ближайшей своей части, где Дон и Непрядва охватывали его сзади широким полукругом, оно изобиловало невысокими холмами, оврагами и речками с крутыми, заросшими берегами. Дмитрий еще накануне, при первом осмотре, решил остановиться именно здесь, с чем и князь Боброк, — наиопытнейший из московских воевод, — тоже был согласен. Тут можно было удобно расположить свои войска, но особенно важно было то, что столь пересеченная местность не позволяла Мамаю сразу ввести в бой всю свою громадную орду и лишала татар возможности применять излюбленную ими тактику охватов и обходных движений.

Теперь предстояло выбрать место, на котором выгоднее всего было встретить первый натиск татар и, применяясь к условиям созданным тут природой, наилучшим образом расположить свои полки. Военачальники изъездили поле вдоль и поперек, изучая характер местности, прикидывая расстояния и споря о том, как лучше использовать естественные рубежи. Каждый высказывал свои соображения и предлагал свой план, — Дмитрий внимательно слушал всех, а сам молчал, остро поглядывая по сторонам из-под черных, сросшихся на переносице бровей. Но когда, закончив осмотр, выехали на бугор, откуда хорошо было видно все поле, он

в немногих словах изложил свой план распределения сил и точно указал где стоять какому полку.

Согласно обычаю, русская рать была разбита на шесть отдельных отрядов-полков и поставлена «Крестом».

В центре стоял большой полк, численностью в пятьдесят тысяч человек, — почти все из Московских и Владимирских земель, — под началом воевод: Тимофея и Микулы Вельминовых, Михайлы Бренка, Семена Мелика, Ивана Квашни и двух Валуевых, — дяди и племянника. На пол-версты впереди — Передовой полк, двадцать тысяч бойцов, все на конях, под командой князей Ольгердовичей и братьев Всеволожских. Запасный полк, — тысяч пятнадцать, под начальством князей Тарусских и Оболенских, поставили позади Большого, чтобы он мог легко прийти на помощь туда, где в том окажется надобность.

Сперва от Большого полка — полк Правой руки, тридцать тысяч воинов и главные воеводы: князь Андрей Федорович Ростовский и князь Андрей Федорович Стародубский, а под рукою у них Ярославские и Углицкие князья. Правым крылом этот полк примыкал к обрывистому и заросшему лесом берегу речки Нижний Дубняк, что надежно защищало его от обхода или от флангового удара.

По другую сторону Большого полка, стоял полк Левой руки, под началом князей Белозерских, Федора Моложского и Глеба Друцкого. Этот полк насчитывал двадцать пять тысяч бойцов и слева был прикрыт лишь неглубоким оврагом речки Смолки, — таким образом, левое крыло было наиболее уязвимой частью русского построения. Дмитрий понимал, что во время боя татары это непременно обнаружат и постараются использовать, а потому именно с этой стороны, в лесу за рекою Смолкой, он приказал и поставить Засадный полк, численностью в семьдесят тысяч всадников, под водительством испытанных военачальников: князей Боброка-Волынского и Владимира Серпуховского, в помощь которым были князья Федор Елецкий и Юрий Мещерский. Этому полку было наказано до поры не ввязываться в сражение и ничем себя не обнаруживать, чтобы ударить на татар только в решающую минуту, — если они начнут явно одолевать, или преследовать и добивать их, когда побегут с поля.

К двум часам дня, все полки были разведены по местам, воинам приказали осмотреть и изготовить к бою оружие, потом отдыхать. Вскоре по всему полю закурились дымки ко-

стров, от бесчисленных казанков, котлов и мисок потянуло запахами каши, лука и мясного хлебова, волнами поплыл рокот негромких голосов. Кто то попробовал затянуть песню, но тотчас оборвал ее:

— Петь будешь как побьем татар, — сурово сказал ему сидевший рядом седобородый воин, — а ноне близких вспомяни, да помолись!

В канун грозного сражения, решающего участь родной земли, люди были серьезны и сдержанны, никто не сквернословил и не гомонил, точно стояли не в поле, а в преддверий храма, в ожидании великого таинства. Но ни страха, ни уныния не было. — «Это не княжья усобица, где нивесть за что подневольный человек несет голову на кон, а война правая, домы свои и за Святую Русь! В такой битве и Господь и ангелы Его пособят, — беспременно побьем поганых!» — Так рассуждали и так верили воины и за святое дело каждый готов был к тому, чтобы лечь костьми на этом поле, коли такова будет воля Божья. Только не все ведь лягут, — будет немало и таких, что возвратятся домой со славою и с победой!

Поснедавши и помолясь, люди отошли от костров. Кто, найдя холодок, улегся спать, иные, собравшись кучками, негромко беседовали, вспоминая всякую бывальщину и родные места; те у кого не было на завтра чистых рубах, отправились к ближайшим ручьям и речкам, постирать свои. Яркий солнечный день постепенно бледнел и гас, как бы проникаясь томительным предчувствием близкой грозы.

Часа за два до захода солнца прискакали вестники от поставленной впереди стражи и сказали: идут татары. Вскоре их передовые тумены показались на открытом месте, верстах в четырех от русского стана. Взрыв свирепых криков, долетевший оттуда, ясно говорил о том, что и они заметили неприятеля. Потоптавшись немного на месте, — видимо в ожидании приказаний от хана, — они продвинулись еще версты на полторы вперед и растеклись во всю ширину поля, разбивая свой стан. До самой темноты к этому рубежу черным потоком текла с юга несметная орда. Шла она, видно, и ночью, ибо на татарской стороне все поле, доколе хватил глаз, светилось огнями костров и факелов, а в лагере их почти до рассвета слышались крики, движение и возня. Дмитрий Иванович, хотя и знал, что татары не любят воевать ночью, все же приказал, помимо обычного охранения, выста-

вить далеко впереди русского войска многочисленные сторожевые посты и бдительно следить за всем, что делается у противника.

***

Шатер великого князя был поставлен в безопасном месте, позади Большого полка. Целый день Дмитрий, поглощенный делами и заботами, в него не заглядывал, — пришел лишь затемно, когда все распоряжения были сделаны и русский лагерь начал погружаться в сон. Не раздеваясь, он лег на постель и попытался заснуть. Но, вместо сна, пришло чувство гнетущего одиночества и смутной наростающей тревоги.

Перед восходом солнца густой туман заволок Куликово поле. Покуда он не рассеялся, битву начинать было нельзя, но к шести часам все уже стояли на своих местах, в боевой готовности. Воины в последний раз опробовали седловку коней, половчее приладили оружие и теперь томились ожиданием, ежась от утренней прохлады и изредка перекидываясь словами. Многие, — особенно те, кто еще не бывал в сражениях, — истово и часто крестились, творя про себя молитвы.

В восьмом часу заиграли трубы и перед войском появился князь Дмитрий. На белом коне, в сверкающих золотом доспехах и в накинутой на плечи красной епанче, об объезжал полки, коротко напутствуя их на подвиг. Все воеводы стояли уже на своих местах и только окольничий Иван Кутузов вез за великим князем развернутый черный стяг с золототканным Спасом.

— Братья, — говорил Дмитрий, — бейтесь крепко с татарами, ибо за веру отцов стоите и за Святую Русь! Ныне день Пресвятой Богородицы,*) на помощь Ее и на доблесть вашу возлагаю все мои упования! Коли днесь победим, — конец поганому игу навеки, а вам вечная слава! Бейтесь же не щадя живота и смерти не бойтесь, ибо если оплошаем и пустим татар на Русь, жизнь наша будет хуже смерти!

Закончив объезд, Дмитрий подъехал к группе воевод, стоявших впереди Большого полка.

— Редеет мгла, — сказал он, — скоро с Божьей помощью и начнем. Время уже и мне изготовиться к сече.

---

*) Куликовская битва происходила 8 сентября ст. стиля, в день рождения Богородицы.

— Али ты не готов, княже? — с удивлением спросил боярин Бренко, оглядывая доспехи и оружие Дмитрия. — Кажись, у тебя все на месте и в справности.

— Слово мое было еще в Коломне: буду биться сегодня как простой воин. Пойду наперед, а ты за меня станешь в Большом полку.

— Одумайся, Дмитрей Иванович! Такое великому князю не подобает. Должен ты стоять под стягом, на высоком месте и блюсти сражение, дабы всякий воин, видя что жив ты, укреплялся духом и лучше бился. Бойцев у нас не счесть, а государь ты один!

— Дабы все государя видели на своем месте, наденешь мой доспех и епанчу, и стяг мой при тебе будет. Сменяемся и конями. А я, как положил себе перед Господом и перед моим народом, так и сделаю. — С этими словами Дмитрий сбросил свой алый плащ и начал отстегивать ремни золоченных оплечий и нагрудногс зерцала.

— Княже! Не делай того, молю тебя! — воскликнул Бренко.

— Коли себя не жалеешь нас пожалей, — сказал Микула Вельяминов. — Ну, как убьют тебя, что с Русью станется? Вотчич*) твой Василей отрок еще, не удержать ему бремя власти в столь трудную пору.

— На вас уповаю, братья. Как мне с юных дней были вы твердою опорою, так и его не оставите своею помощью. А я не могу инако: ужели хотите, чтобы всех вперед призывая, сам я позади схоронился? Не токмо словом, но и делом хочу послужить Руси впереди других и дать пример слабым.**) На, надевай, — добавил он, протягивая Бренку свой шлем-ерихонку, — нету нам времени для разговоров!

Бренко, еле сдерживая слезы, надел доспехи и епанчу великого князя, и сел на его коня. Дмитрий, оставшись в простой кольчуге и надев на голову стальной шишак, поданный ему кем-то из воевод, мало чем отличался теперь от рядового воина.

— Ну, Миша, давай простимся, всяко может случиться, — сказал он Бренку. — С детских лет был ты мне наибольшим другом, будь таковым и сыну, ежели что.

— В том не сумневайся, Дмитрей Иванович! Только ужели мыслишь ты, что на твое место став, я сегодня меча не выну?

*) Вотчич — старший сын, наследник.

**) Весь этот абзац летописи приводят как подлинные слова Дмитрия.

Что хошь после со мною делай, но как бы ни обернулось, — назад я отсюда шагу не подамся, как и сам бы ты не подался!

— Стой крепко, но на рожон не лезь. Сам даве сказал, что войско должно государя под стягом видеть. Ну, храни тебя Христос! — и трижды поцеловав Бренка, Дмитрий вскочил на его коня и поскакал вперед.

Почти одновременно с Дмитрием, к голове Передового полка подъехал один из находившихся впереди дозорных и сообщил, что приближаются татары. В тумане их не было видно, но уже отчетливо слышались голоса и шумы, присущие движению большого войска. Шло оно медленно, видимо, как и русские, ожидая когда прояснится.

Это случилось почти внезапно: подувший с Дону ветер в несколько мгновений рассеял туман и противники увидели друг друга. Черный вал татарского войска, раскинувшись во всю ширину поля, стоял в двухстах саженях. Версты на полторы сзади и чуть влево на холме виднелся красный шатер Мамая, откуда хан приготовился наблюдать сражение.

Заметив, что оба крыла орды поотстали от середины, Дмитрий тотчас приказал Передовому полку продвинуться немного вперед, выдвигая фланги. Медленно шли навстречу и татары. Когда расстояние сократилось шагов до ста, обе стороны остановились. Ордынские военачальники почему-то медлили с приказом начинать битву, — выжидал и Дмитрий, не исключая того, что хан вступит в переговоры. Может-быть, того же ожидал Мамай со стороны Дмитрия.

Тем временем, первые ряды воинов, распаляя себя, завязали крепкую перебранку, понося друг-друга самыми обидными словами. Вскоре отдельных выкриков уже нельзя было расслышать в общем свирепом реве.

Наконец, из ордынских рядов вырвался вперед огромного роста всадник, в стальных доспехах и с копьем в руке. Подскакав к русскому войску, он осадил коня и крикнул:

— Языком женка бьется, баатур бьется копьем! Колы ест такы храбры руски свыня, чтобы нэ боялся быться с Темырбей,*) пусть ыдет напыред!

Дмитрий с тревогою оглянулся. Надо было не только принять этот вызов, но и победить татарина, иначе русское вой-

*) Это имя — Темир-бей — русские летописи исказили в Челибей.

ско, не начав сражения, сникнет духом. Но кто может свалить этого великана?

Из рядов выехал прославленный своею силою витязь Григорий Капустин.

— Дозволь, великий государь, я сражусь с басурманом, — промолвил он. Но не успел Дмитрий что-либо ответить, как к нему приблизился инок Пересвет:

— Во славу животворящей Троицы и Пречистой Девы, княже, благослови на подвиг!

Дмитрий в замешательстве оглядел смельчаков: оба телами истые богатыри, — Пересвет чуть повыше, а Капустин пошире в плечах. Этот, вестимо, в бою гораздо искусен и годов на двадцать моложе, но инока Бог ведет, — не зря же благословил его в войско провидец Сергий. И князь, почти не колеблясь, сказал:

— Иди, отче, тебе вверяю русскую честь!

Пересвет поклонился государю, помолился коротко и взяв из рук ближайшего воина тяжелое копье, тронул вперед. Он сидел на крепком вороном коне, но сам был, как обычно, в черном кукуле**) и в схиме, с медным крестом на груди.

— Погоди, отче! — крикнул Дмитрий. — Неужели так выйдешь? хоть кольчугу либо щит возьми.

— Мне того не надобно, государь: схима моя надежней кольчуги, а щитом мне молитва преподобного Сергия! — и с этими словами Пересвет выехал из рядов, навстречу татарскому богатырю.

— Ты зачем, стары борода? — удивился Темир-бей, увидев его. — Я баатур на бытву звал, а поп мне нэ надо!

— Я с тобой буду биться, — сказал Пересвет.

— Со мной быться ты, поп?! Значыт рускы баатур нэт? Ыли рускы баатур за поп прятался?

— Хлипок ты, татарин, с русскими богатырями биться. Сперва спробуй русского попа одолеть. Становись в поле!

— Хлыпкы я? Поп одолеть?! Еслы поп прышел смеяться с Темыр-бей, смэх тыбе нэ будет, умырать будет! А потом с настоящим баатур буду быться! — с этими словами Темир-бей рванул повод и погнал коня в сторону. Пересвет поскакал в другую.

**) Кукуль или куколь, — головной убор монахов-схимников, род клобука, но более закрытый.

Разъехавшись шагов на сто, они повернули коней и остановились, прощупывая глазами друг друга. Из презренья к противнику, татарин бросил свой щит на землю и наставив копье, ринулся вперед. Перекрестившись. Пересвет изготовил свое и поскакал навстречу.

Сшиблись с такою силою, что взметнувшиеся на дыбы кони едва не опрокинулись навзничь. Ни один из бойцов не промахнулся: копье Пересвета, пробив кольчугу и грудь Темир-бея, на четверть выбежало из его спины. Но и схимник был сражен насмерть.

Оба витязя пали с коней на землю, — Темир-бей сразу, Пересвет минутою позже. Уже лежа на земле, он приподнялся на локте, осенил русское войско крестным знамением и испустил дух.

На одно мгновение над полем повисла страшная, предгрозовая тишина. Потом воздух содрагнулся от ударившей в небо волны разноголосых криков, пронзительно запели боевые трубы, две живые стены, вздыбившись, рванулись вперед и сверкая молниями клинков и копий, обрушились друг на друга.

Всю тяжесть первого удара принял на себя Передовой полк. Справа и слева от него были овраги, которые не позволяли татарам хлынуть на русское войско всею своей подавляющей массой, покуда этот полк закрывал проход. Тут завязалась жестокая и стремительно-быстрая сеча, но, несмотря на громадные потери русские более получаса держались стойко, не подавшись и шагу назад. Но вскоре пешие фляги Мамая, перебираясь через овраги, начали с боков засыпать их стрелами; спереди татары напирали стеной, драться приходилось в невообразимой тесноте, — по словам летописцев, не было места куда упасть мертвому, — и Передовой полк был смят. Потеряв убитыми много тысяч бойцов, а из воевод — князя Федора Туровского, он откатился назад и смешался с Большим полком, стоявшим за ним.

Десятки тысяч ордынцев устремились теперь в открывшийся проход между оврагами, и главными своими силами обрушились на Большой полк. Но одновременно ударили они и на полк Правой руки, в попытке его опрокинуть и с этой стороны зайти в тыл русскому войску.

Огромное сражение стремительно развивалось. Обе стороны дрались с предельным ожесточением, вначале, — пока место не освободилось за счет павших, — почти в такой же

тесноте, как в Передовом полку, ибо для сотен тысяч сражающихся не хватало ширины поля. Русским это было на руку: они могли успешнее отражать противника, наседающего спереди, не опасаясь фланговых ударов.

Стоя на невысоком, плосковерхом бугре, в середине Большого полка, боярин Бренко, с трудом подавлял желание покинуть свое место под государевым знаменем и устремился в сечу. Но помня наказ Дмитрия, да и сам понимая, что не только свои, но и татары его видят и принимают за великого князя, — он все же оставался у стяга, с замиранием сердца наблюдая ход сражения. Оно шло пока на сотню шагов впереди, медленно, но неуклонно приближаясь, по мере того, как ордынцы врубались в гущу москвичей и коломенцев, стоявших в первых рядах Большого полка.

Но видит Бренко: дорогою ценой платят поганые за каждый шаг, — крепко стоят москвичи и коломенцы! Почти час уже ломит на них неиссякаемая сила орды, — один басурман падет, а на его место, ровно из-под земли, вырастают двое других; звенит поле сталью, вскидываются на дыбы кони, стонет под них копытами земля; раскалывая щиты и пронзая груди, мечутся, искрясь на солнце, окровавленные жала копий; взлетают над головами клинки и палицы, растут груды мертвых тел, их уже, местами, и конь не перескочит, а русские всего чуть подались назад.

Михайла Андреевич начал искать глазами и вскоре ему показалось, что в одном высоком воине, бившемся спиной к нему, он узнает великого князя. Но вглядеться хорошо не успел, ибо в ту самую минуту москвичи дрогнули и все разом побежали назад. По орде раскатился торжествующий рев и Бренко неожиданно увидел совсем близко от себя скуластые лица татар, распаленные яростью боя.

— Михайла Андреевич. — крикнул выросший перед ним Кутузов, — как повелишь со стягом? Его бы увезти не медля, инако, неровен час, возьмут поганые!

— Стяг оборонять будем, — ответил Бренко, обнажая меч. — Где он поставлен, там ему и стоять, покуда хоть кто из нас жив. Опамятуйтесь, братья! — крикнул он во весь голос, выезжая вперед. — Ужели отдадим нехристям нашу святыню и себя осрамим? Поглядите округ: русские полки стоят крепко, только вы бежите! А ну, с Богом и дружно, — все на орду!

Ему удалось остановить бегущих и возле стяга началась лютая сеча. Татарские военачальники и беки,*) опережая рядовых ордынцев, со всех сторон устремились к бугру, на котором стоял Бренко: принимая его за Дмитрия, каждый из них думал теперь о щедрой награде и славе, которые ждут того, кто привезет Мамаю голову русского государя и его черное знамя.

Но лучшие московские витязи тоже спешили отовсюду на помощь Бренку. Покуда еще было время оглядываться, повел он глазами вокруг себя и близко увидел Ивана Драницу: воевода, лицом красный как свекла, пробивался к нему, лихо работая своим тяжелым клычем; чуть поодаль, бок о бок ломились сквозь татар Тимофей Вельяминов и Семен Мелик, а за ними, клином, с пол-ста воев. Хоть бы поспели! Но тут, шагах в десяти от себя, Бренко негаданно увидел Дмитрия. Он отбивался мечом от двоих теснивших его ордынцев и в тот самый миг, когда Бренко глянул, — одного из них распластал мало не надвое. Другой взмахнул было саблей и не сдобровать бы князю, кабы тут же не поддел поганого снизу копьем какой-то пеший воин. «Кажись, Васюк Сухоборец», — подумал Бренко, но что было дальше, уже не увидел, потому что тут на него самого налетели татары.

Телом могуч и в бою искусен Михайла Андреевич, против троих-четверых биться ему бы ничто. Но сейчас насело на него разом не меньше десятка. Двоих он посек быстро, сам получив лишь легкую рану в щеку, изловчился было и на третьего, но тут закололи копьем его коня и Бренко упал наземь. Татары рванулись к нему, но на пути им встал Иван Кутузов, секунду спустя подоспел Драница и они вдвоем сдержали натиск, покуда Бренко выбирался из-под туши коня. Едва встал он на ноги, — пал с рассеченной головой Кутузов. Бренко мигом ухватил его лошадь за повод и занес ногу, чтобы вскочить в седло, но тут ударили его самого копьем в бок и он снова упал. Однако, рана была не смертельна, — приподнявшись и силясь встать, он еще увидел как подняли на копья Драницу, потом трое татар, соскочив с коней, кинулись к нему. С другой стороны, с палицей в руке, путаясь в полах схимы, подбегал инок Ослябя.

---

*) Бек — князь. Титул этот указывал на принадлежность к княжескому роду, тогда как княжеский титул эмира в эту пору часто присваивался по должности темникам и вельможам даже не знатного происхождения.

— Эвот тебе за брата Александра,*) поганый! — прохрипел он, опуская палицу на голову первого татарина. — Молись за меня, отче Сергий! — и размозжил голову второму. Но тут сабля третьего сразила его самого. Обливаясь кровью, он выронил палицу и грузно повалился на Бренка.

Михайла Андреевич, лежа навзничь, слабеющей рукой попытался спихнуть с себя мертвое тело. Но не успел: холодное лезвие копья, дробя зубы и обрывая жизнь, вошло ему в рот, пригвоздив к земле.

С победными криками ордынцы ринулись теперь к государеву знамени. Только один из них, спрыгнув с лошади и на ходу вытаскивая нож, подбежал к телу того, кого принимали за князя Дмитрия. Но сорвав шлем с головы убитого и вглядевшись в изуродованное ранами лицо, он отпрянул, с криком:

— Это не он!

— А ты сюда погляди! — раздался сзади насмешливый голос. Татарин быстро обернулся и в чернобородом всаднике, который в это мгновение снес ему голову, еще успел узнать русского великого князя. Узнал его и Дмитрий: это был Борак-сеид, месяц тому назад приезжавший к нему послом от Мамая.

Прошло не много минут и пал храбрый воевода Мелик, пронзенный копьем; с разрубленной головой лег на него юрьевский смерд Степан Новосел, подхвативший падающее знамя; саблями иссечен Тимофей Вельяминов, приспевший-было на помощь. И орда с торжествующим криком хлынула через бугор. Казалось, еще немного и Большой полк будет разрезан надвое, но в этот миг ударили сбоку владимирцы.

Оказавшись в задних рядах русского построения, они до сих пор не участвовали в битве. Но теперь, когда частью перебитые, частью схлынувшие москвичи освободили им место, они всю свою нерастраченную силу обрушили на зарвавшихся ордынцев.

На бугре возобновилась злая сеча. Уже почти на вершине его нашел славную смерть наибольший владимирский воевода, боярин Иван Окатьевич Валуй. Но племянник его Тимофей пробился к поверженному знамени и поднял его над сражающимися.

**) Александр — имя Пересвета.

По русским рядам, ширясь и вливая в сердца отвагу, прокатился победный крик. Татары отступали, не прекращая жестокого сопротивления. Снова, нахлынув массой, они попытались повалить русский стяг. Тимофей Валуевич успел передать его двум подбежавшим воинам, — чтобы, привязав перерубленное древко к копью, снова укрепили его на прежнем месте, — а сам стал впереди, прикрывая их. Шесть или семь татар, обступив молодого воеводу, сыпали на него сабельные удары. Отбивался он ловко, пока мог, но скоро ему отрубили руку и он упал. Подбежавший дворецкий его, Иван Кожухов, заслонив своего господина, вступил в неравный бой с татарами. Двоих он успел убить, прежде чем остальные изрубили его в куски, а потом прикончили и раненного Валуевича.

Но от знамени их сейчас же отбросили набежавшие во множестве владимирцы. Москвичи и коломенцы, ободрившись, снова крушили ордынцев с другой стороны. Позади врубившегося в Большой полк лучшего татарского тумена, русские ряды сомкнулись и этот тумен был уничтожен до последнего человека. Остальные отхлынули и после страшного трехчасового боя, русские, наконец, смогли перевести дух и осмотреться. Потери их были очень велики, — во многих сотнях осталось по двадцать-тридцать человек; из московских воевод, в центре уцелел один Иван Квашня и начальство над Большим полком принял князь Иван Васильевич Смоленский. Зная, что сражение вот-вот возобновится, он приказал трубить сбор и приводить оставшихся людей в порядок.

Еще раньше того, была отбита атака орды на полк Правой руки. Здесь татары всю силу удара сосредоточили на правом крыле, рассчитывая вдоль речки Нижний Дубняк прорваться в тыл русскому войску. Но стоявшие тут угличане уперлись крепко и дрались с предельным мужеством. Из шести Углицких князей, в этой битве пало пятеро, а с ними и князь Семен Стародубский. Полегло больше половины воинов-угличан, много ярославцев и стародубцев, но опрокинуть их татарам не удалось и на третьем часу сражения, они отступили.

***

Затишье продолжалось не долго. Разобравшись теперь в особенностях русского построения и правильно определив его наиболее уязвимое место, Мамай обрушил все силы орды на полк Левой руки, приказав своим темникам сбить его любой ценой и с этой стороны выйти в тыл Большому полку.

Первый удар стоявшие здесь белозерцы выдержали не

дрогнув, но татары, не считаясь с потерями, бросали в битву новые тумены и с каждой минутой сеча становилась все более кровавой и напряженной. И воины и воеводы Левого полка дрались с беспримерной доблестью. Тут все понимали, что от их стойкости зависит участь Большого полка, а может быть даже исход всего сражения и потому, не жалея жизней, старались удержать страшный натиск врага.

Вот, заметив что в одном месте татары прорвали русские ряды и врубаются вглубь, бросился на них московский воевода Иван Семенович Мороз, с сыновьями Фирсом и Львом да с полусотней всадников. Они сдержали напор орды, покуда оправились и подоспели сюда другие, но сами все были изрублены; пал смертью храбрых старый князь Федор Романович Белозерский, не надолго пережил отца и князь Иван; без счету полегло и простых воев, — имена же их записаны у Бога в золотой книге славных, — и поредели ряды Левого полка, как колосья под градом.

Видя, что возликовали татары и рвутся вперед, собрал князь Глеб Иванович Друцкой вокруг себя сотни три воев, кои были поближе, и кинулся с ними без страху, смерти навстречу. Сам он схватился с татарским темником, долго с ним бился, — ловок и силен был поганый, — но когда одолел его князь Глеб и оглянулся, никого уже не увидел из своих воев, — кругом были татары. И положил князь Глеб свою молодую жизнь в неравном бою.

Когда уже иссякали последние силы белозерцев, подошел к ним на помощь Запасный полк и сеча разгорелась яростней прежнего. Но Мамай, окрыленный успехом, не жалел людей, — татары шли вал за валом и, казалось, их уже ничто не может остановить. Под их бурным натиском, Запасный полк таял, как льдина на солнце, хотя и сражался храбро.

На исходе второго часа, силы левого крыла были сломлены и оно начало отходить к Непрядве, оторвавшись от Большого полка, который тоже отбивался от наседавших спереди татар, но стоял крепко. Заметив беду, приспел на помощь князь Дмитрий Брянский: остатки своей дружины, — несколько тысяч человек, уцелевших после битвы в Передовом полку, — он бросил в прорыв, пытаясь сдержать хлынувшую в русские тылы орду. Но в короткое время половина брянцев была изрублена, остальные, истекая кровью, стали подаваться назад, смешиваясь с остатками разбитого Левого полка.

И тут нежданно увидели великого князя: на самом берегу Смолки, под деревьями, он и еще три воина, — один, как и князь, в кольчуге, а другие два в тягиляях, — бились против десятка татар.

Притомился Дмитрий в долгой сече, пот заливает и ест глаза, и не дает рука прежней силы, а дух перевести — минуты нет. Не один уже раз его бы настигла смерть, да видя что заслабел князь, крепко прилепились к нему три воя, — Сенька Быков, Федяй Зернов и Юрка Сапожник, — куда он, туда и они, и дружно стоят за своего государя. Был еще с ними четвертый, — Федор Холоп, — да отлетела душа его к Богу: принял в грудь копье, которое инако досталось бы Дмитрию.

И плохо им тут пришлось: свалил одного татарина Дмитрий Иванович, но другой тут же выбил у него меч и замахнулся-было саблей на безоружного князя. Но Юрка Сапожник не проглядел, — во-время подсек басурмана. Соскочил Федяй Зернов на землю, поднял меч и хотел дать его Дмитрию, а под государем пошатнулся конь и пал, придавив собою всадника. И хоть закрыли его собою Юрий Сапожник и Сенька Быков, — татары накатили разом, Быкова крюком сорвали с седла, Юрке отсекли руку и один ударил, копьем в бок силившегося подняться князя. Дмитрий снова упал и сотворив молитву ждал уже неминуемой смерти, но тут подоспели два брянских витязя и не глядя, что татар на каждого четверо, смело ударили на них.

Литовский витязь высвободил Дмитрия из-под коня и пособил ему подняться на ноги.

— Ты крепко ранен, княже великий? — спросил он.

— Кажись, пустяк, будто лишь кожу вспороло, — ответил Дмитрий. — Ну, друг, спаси тебя Христос на веки! Не уйти бы мне тут от смерти. Как звать тебя, скажи?

— Мартос я, государь, а прозванием Погож, из дружины Брянского князя.

— Ну, Мартос, садись на коня и скачи в дубраву, к Засадному полку. Скажи Волынскому князю, либо Серпуховскому: пришло время!

***

Атака Засадного полка была сокрушающей, но в первое мгновение татары встретили ее стойко: они подумали, что это лишь небольшой отряд, — остатки разбитого Левого полка, собравшиеся за Смолкой для последней попытки спа-

сти положение русского войска. Но когда поле покрылось десятками тысяч всадников, а лесная опушка продолжала, волна за волной, выбрасывать новые тысячи, — их охватила растерянность, обратившаяся в панику, когда кто-то крикнул: — «Аллах абкар! Убитые русы оживают и снова идут на нас!» И орда обратилась в беспорядочное бегство.

Часть ее, отрезанная стремительным ударом Засадного полка, оказалась в тылу русского войска и побежала вперед, к Непряде. Все кто не попал в окружение, — и Мамай впереди других, — бросая все и думая лишь о спасении жизни, устремились вон с Куликова поля, тою же дорогой, которой пришли. Большая часть Засадного полка, во главе с князем Боброком, кинулась в преследованье и рубя бегущих, гнала их почти пятьдесят верст, до реки Красивой Мечи.

Но битва еще не была окончена: многие тысячи, отрезанные от бежавшей орды Мамая, продолжали отчаянное сопротивление, ибо пощады в этот день никому не было. И эта последняя фаза сражения, в которой покрыл себя славой князь Владимир Серпуховский, была хотя и не долгой, но чрезвычайно упорной и кровопролитной.

Вначале татары надеялись, что им удастся уйти вплавь через Непрядву и потому всею своей массой хлынули к ней. Пробиться к реке им удалось без всякого труда, потому что все русское войско оказалось позади них. Но крутой и покрытый непролазными зарослями ежевики берег почти не оставлял возможности спуститься к воде. Едва ордынцы начали прорубать в колючих зарослях проходы, — сзади на них обрушились подоспевшие части Большого полка, а сбоку, стараясь отрезать их от реки, ударили ростовцы князя Андрея Федоровича.

Поняв, что осуществить в таких условиях переправу невозможно, — татары теперь решили пробиваться из окружения тем же путем, которым в него попали. Стремительно вырвавшись из готовых сомкнуться клещей, они бросились назад, к Смолке, где путь им преградила только небольшая часть Засадного полка, не ушедшая в преследованье Мамая. Сплотив вокруг себя всех находившихся тут бойцов, князь Серпуховский, не ожидая удара, двинулся навстречу татарам.

Они дрались с отчаяньем обреченных, но и русские окрыленные победой, стояли крепко и тут завязалась жестокая сеча. В ней нашел свою смерть храбрый воевода, князь Юрий Мещерский; сам Владимир Андреевич, — поспешивший всю-

ду где татары начинали одолевать, — вскоре был окружен с небольшим числом воинов, и бился из последних сил, уже не чая спасения.

Казалось, — еще минута и татары прорвутся, но подоспели сюда бойцы из других полков, — все кто находился поближе. Выручая князя Владимира, сложили тут свои головы подскакавшие одними из первых, московские воеводы Иван Родионович Квашня и Андрей Серкизов, сын ордынского царевича. Вскоре татар взяли в крепкое кольцо и полчаса спустя, все они были изрублены.

Великая битва закончилась. Русь славила победу!

И князь Владимир Андреевич приказал трубить отбой.

Солнце уже спустившееся в пол-неба, но еще яркое, золотою искорью лучилось на помятых доспехах Серпуховского князя, сидевшего на коне под государевым стягом. К подножью бугра отовсюду стекались люди. Оставшиеся в живых воеводы и воины из разных полков, переполненные радостью победы и сохраненной жизни, тут же на поле, над телами десятков тысяч павших, обнимали друг друга, возглашая славу. Но невесел был князь Владимир Андреевич, и чем больше вглядывался он в лица подходивших, тем становился мрачнее.

— Еще погодите радоваться, — сурово промолвил он. — Государь-то наш где? Коли жив он и цел, неуж-то бы досе не объявился?

Победные крики разом стихли. Люди, минуту назад ликовавшие, теперь переглядывались с тревогой и страхом: только сейчас все заметили, что великого князя нет среди них.

— Ищите же теперь государя, да на тех что лежат в богатых доспехах глядеть нет нужды: Дмитрий Иванович был в простой кольчуге и в шишаке.

Кругом было навалено столько трупов, что всем пришлось спешиться. Выйдя на берег Смолки, к тому месту, где Новосильский видел Дмитрия. люди рассыпались по кустам, с тревогою заглядывая в лица убитых. Искали долго и уже стали отчаиваться, когда дети боярские Федор Сабур и Григорий Хлопищев набрели на великого князя. В изорванной и окровавленной кольчуге он лежал под деревом, без сознания, но еще был жив.

Принесли в шлеме студеной воды из речки, плеснули князю в лицо, еще и еще. Наконец, он вздохнул, невнятно забормотал что-то, пошевелил рукою и открыл глаза.

— Слава Христу и Пресвятой Богородице! Сжалился Господь над Русью! Жив государь наш! — пронеслось в толпе и радостная весть, передаваясь из уст в уста, в короткое время облетела огромное поле, возвращая воинам радость победы и вновь исторгая из многих тысяч грудей ликующие крики.

Дмитрий был ранен легко, — сломили его усталость и потеря крови. Все же он не вышел из битвы до конца и только когда татары побежали с поля, прилег на траву отдохнуть и тут впал в забытье.

Очнувшись теперь, он сел, взял из рук Сабура шлем с остатками воды и жадно их выпил до капли. Затем поднялся на ноги и чувствуя что хмелеет от бьющей из сердца радости, обнял Серпуховского князя, а за ним и других, стоявших вокруг людей.

— Ну, родные, спаси вас Христос, — говорил он. — С великою вас победою! Славно вы бились все, воистину не оскудела богатырями Святая Русь! День нынешний и безмерная доблесть ваша живы будут в потомках, доколе стоит Русская земля. А с таким народом как не стоять ей во-веки!

М. Каратеев.

ТРИ ШКОЛЫ.

Не может быть сомнения в том, что раньше или позже, какой-нибудь историк, серьезно заинтересуется уникальным явлением Русской Эмиграции 1920 года, осевшей в Югославии и пустившей там солидные корни. Но не может быть также сомнения и в том, что при собирании материалов для создания своего труда, он натолкнется на многочисленные препятствия. Многое не записано очевидцами, многое искажено и перепутано, а живых свидетелей тех или иных событий, остается все меньше и меньше...

А между тем какой-нибудь, даже незначительный эпизод, для историка может играть большую роль, ибо только всестороннее освещение фактов, позволят ему создать правдивый и полноценный «пейзаж».

В этом отношении, журнал «Перекличка» делает большое и полезное дело, собирая на своих страницах частицы прошлого, что иначе кануло бы в вечность не оставив никаких следов.

В ниже помещаемых очерках, читатель познакомится с деятельностью трех Русских Учебных Заведений, о которых,

кроме еще уцелевших, но разбросанных по разным странам б. учеников (к числу которых принадлежит и автор очерков), мало кто знает. Вот их перечень:

1) Гимназия в г. Херцегнови (май 1921 - весна 1923).

2) Десяти-месячные курсы для подготовки к экзаменам на аттестат зрелости в г. Панчево (в 1923 году).

3) Реальная Гимназия в г. Земуне (Руска Реалка) (открылась в сент. 1920 — закрылась летом 1927).

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ.

В начале 1921 года, когда прибывшая в г. Херцегнови большая группа Русских пришельцев, начала устраиваться на новом месте, естественно, возник вопрос о детях и их дальнейшей судьбе.

По инициативе инженера А. А. Земляницына в самом большом отеле города, было созвано собрание родителей и делегатов для обсуждения возможностей открытия Русской Школы на средства отпускаемые Всероссийским Союзом Городов. Решено было такую школу открыть под директорством инициатора собрания и при сотрудничестве, изъявивших к этому желание преподавателей. Позже, в этом же отеле (временно находившимся в распоряжении Кр. Креста), была устроена запись и проверка знаний будущих учеников для распределения их по классам. Одновременно администрация школы занялась поисками подходящего помещения, которые однако не дали желаемого результата. Чтобы избежать потери учебного года, занятия начались в зале, единственного в городке, кинематографа. На время уроков ряды стульев ставились вдоль стен и в освобожденном пространстве расставлялись столы из расчета — один класс, один стол. В стульях недостатка не было, но классная доска имелась только одна на все классы! «Учительская» расположилась просто во дворе, где в холодную погоду без пальто было не обойтись, а дожди заставляли преподавателей ютится в общем зале. По началу, учеников, с уровнем от приготовительного до пятого класса включительно нашлось около 30 человек — девочек и мальчиков, знания которых не всегда соответствовали их возрасту. Занятия велись согласно курсу русских гимназий с включением сербского языка. Преподавательский состав был опытный и чисто профессиональный. Исключение составляли... сам директор и инспектриса, которые, тем не менее, держали шко-

лу в твердых руках. Наконец, осенью 1921 года, поиски более подходящего помещения увенчались успехом и гимназия получила в наем, большое двухэтажное здание, недалеко от центра города.

В нижнем этаже имелось несколько больших комнат и там разместились приготовительный и первый классы, кухня, завед. хозяйством с семьей и студия, где давались уроки рисования, лепки и так. наз. «ручного труда», в который входили разные ремесла. Тут же внизу, все получали и каждодневный завтрак. В верхнем этаже состоявшим из одной залы с окнами на все стороны, поместились все остальные классы — по старой системе — один класс, один стол — с той только разницей, что каждый класс имел собственную доску. Учительская вместе с библиотекой заняли один из углов общего зала, который таким образом,попадал (увы!) под зрительный контроль всегда пребывающей там Инспектрисы.

С переездом в новое помещение возросло и количество учащихся — начался приток из окрестных местечек, не редко находящихся далеко от г. Херцегнови, что однако не служило препятствием для желающих учиться подростков. И не только подростки стремились в нашу гимназию! Совсем неожиданно, за столом 5-го класса появилось семеро «взрослых» учеников, еще не снявших с себя военной формы; при чем двое из них были в офицерских чинах. Никаких документов кроме военных у них не имелось, но имелось сильное желание получить Аттестат Зрелости («Велика Матура» на сербском языке). И первым шагом для этого стала наша школа. По началу были кое-какие неловкости в отношениях из-за разницы в возрасте, но все сгладилось, когда младшие убедились в том, что старшие, так же как и мы, «парились» у доски от некорректных вопросов преподавателей.

В конце 1921 года, приехавшая из Белграда Комиссия (проф-а Брянский, Кульбакин и прот. О. Петр Беловидов) осталась весьма довольна постановкой дела в гимназии, успехами учащихся, концертом хора и художественно-ремесленной выставкой. И, казалось, ничто не предвещало уже надвигающихся перемен. Вернее, мы учащиеся, просто не знали о том, что начальный период жизни после прибытия в Югославию (Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев — в то время) подошел к концу.

Маленький далматинский городок Херцегнови, куда, по воле судьбы, нахлынули сотни самых разнородных русских лю-

Группа преподавателей и учеников — 1922 г. — Русской Гимназии в г. Херцегнови.

дей, явился только этапом на общем эмигрантском пути. Жизнь ставила свои проблемы, разрешение которых требовало иных действий, несовместимых с местными условиями. К тому же, средства отпущенные Всероссийским Союзом Городов нашей гимназии, подходили к концу, что ставило под вопрос ее дальнейшее существование.

Весной 1922 года, после очередной поездки нашего директора в Белград, было объявлено, что в середине лета, в присутствии представителя М-ва Просвещения, состоятся экзамены и все сдавшие таковые, получат соответственные документы, равные свидетельствам сербских гимназий, после чего наша школа будет закрыта.

Экзамены прошли гладко, удостоверения об окончании получены, а впереди открылось неизвестное будущее. Дружная доселе гимназическая семья начала распадаться и для сорока учеников, наступил поворотный момент в их жизни. Одни решили ехать в Кадетские Корпуса и в Институты, другие просто уезжали с родителями на новые места с перспективой учения в сербских школах. Но благодаря нашему директору, для желающих, открылся и еще один путь. Неожиданно для всех он сообщил, что в г. Панчево организованы специальные краткосрочные курсы по подготовке к экзаменам на Аттестат Зрелости, с бесплатным общежитием и что он сам бу-

дет руководить этими курсами. На это сообщение в первую очередь окликнулась группа старших. А к ним примкнуло еще пятеро шестиклассников — в их числе и я.

Осенью 1922 года, в назначенный А. А. Земляницыным день, мы, в количестве 12 человек, с нехитрым багажом и не туго набитыми кошельками, усевшись в вагон 3-го кл. поезда «Зеленике-Београд» тронулись в путь — к светлому будущему.

Преподавательский Состав Херцегновской Гимназии

Директор — А. А. Земляницын; Инспектор — Е. Г. Романова

Младшие классы		Старшие классы	
Закон Божий	о. Иоанн	Закон Божий	о. Иоанн
"	о. Иоасаф	Свящ. История	о. Иоасаф
Чистописание	Левицкий	Математика	А. А. Земляницын
Русский яз.	"	Русский яз. и	А. А. Севрюгина
История	"	Литература	"
География	"	Русская и	Е. Н. Фетгинг
Арифметика	В. Крамаренко	Всеобщ. История	"
"	М. Тристан	Физика, Химия	Г. С. Калантаров
Рисование	М. Хрисоногов	и Немецкий яз.	"
Хоровое пение	Красуцкий	Французский яз.	Е. Б. Ковернинская
Пение	И. М. Острянский	Гигиена	Д. А. Сазонов
Рояль	Н. Н. Тиден	Сербский яз.	В. С. Дурново
		Рисунок и	М. М. Хрисоногов
		Живопись	"

Херцегновская Гимназия. Скульптурный класс.
(Слева направо: стоят — Г. Дудышкина, Д. Калантаров, Р. Сазонов, Н. Дурново. Сидят — С. Жигмановская, М. М. Хрисогонов (педагог) и А. Жигмановская.

ОЧЕРК ВТОРОЙ.

«Панчевские Курсы», как называли их учащиеся, находились в бывших казармах. Низкая постройка, квадратной формы занимала половину квартала одной из широких и очень пыльных улиц, недалеко от центра города. Посреди мощеного огромными плитами двора, высилось большое дерево, на ветвях которого, по предположению курсантов, в старое время, вешали провинившихся. По турецким порядкам в дом можно было попасть только со двора, через многочисленные, разной величины дверей. Два самых больших помещений были отведены: для «одного на всех» класса и для клуба-столовой. Все остальное пошло под общежитие, комнаты которого или были проходными или соединялись извилистыми коридорчиками. Что касается обстановки, то она сводилась к остаткам казарменного инвентаря — примитивные кровати, столы на козлах и некоторое количество скамеек и табуретов. Общежитие конечно нельзя было отнести к разряду... уютных, но десятимесячное в нем пребывание выдержать было можно. Все курсанты, выразившие желание получить бесплатную квартиру с добавкой одной горячей еды в день, разместились в общежитии по своему усмотрению — от двух до шести человек на комнату. Наибольший процент курсантов составляли б. военные, разных видов оружия и рангов. Выделялось несколько человек в форме Югославской Армии, служивших в Военном Оркестре Панчевского гарнизона, но также пожелавших пополнить свое образование. Особняком держалась группа б. Кадет, которые пройдя многие Кадетские Корпуса, не смогли удержаться... даже в знаменитом «Панчевском Интернате». «Эти курсы», как сказал один из них «явились нам надеждой, просиявшей во мраке будущего». И действительно, имея «матуру» в кармане, человек выходил на дорогу и получал возможность устроиться на службу, поступить в Университет, Военное Училище и т. д. В начале 20-х годов «Матура» являлась документом первостепенной важности! Очутившись в совершенно новой обстановке наша Херцегновская группа, прошла через кое-какие изменения и потеряла свою стабильность. Преподаватели собранные в самом Панчево Директором Курсов, имели перед собой нелегкую задачу: подготовить к серьезному экзамену пять десятков человек, с разным уровнем знаний и различными возможностями восприятия. Нагрузка, как на учеников, так и на педагогов была

очень велика. В срок 10-ти месяцев, предстояло многим пройти весь гимназический, основательно забытый, курс, с включением еще и предметов на сербском языке. А тем немногим еще не переступившим порог средней школы приходилось особенно туго и свет в их комнатах часто не потухал до самого рассвета! Уроки начинались рано утром, шли до полудня с перерывом на завтрак, который, фактически, был нашей единственной едой в течение дня. После него давалось полчаса «на перекур», во время которого весь двор заполнялся людьми в военных формах, что иногда вызывало любопытство у, проходящих мимо, местных жителей. Потом все снова возвращались в класс до вечера. Периодически, с короткими интервалами, происходили проверки по пройденному курсу. Отстающие получали добавочную порцию «натаскиванья» — или от преподавателей или от более сильных в науках, соучеников. Уроки нередко готовили сообща, помогая друг-другу как могли продвигаться к заветной цели. Но, что было уже пройдено, отнюдь не уменьшало того, что еще предстояло пройти, а вот времени для этого оставалось все меньше и меньше! Вскоре результаты невероятной гонки стали сказываться. Ряды курсантов начали редеть. Некоторые из нас, по своему возрасту (а к ним принадлежал и я) легко могли обойтись без всякой спешки, нормально пройти курс 8-го класса и получить матуру в положенный для этого срок. Нашлась бы только более подходящая школа! Обсудив все «за» и «против», небольшая группа младшего возраста, решила обратиться за советом к начальству и изложить ему свои соображения. Признав все наши доводы совершенно обоснованными, Директор и Инспектриса, имевшая обширные связи в русском школьном мире, обещали нам свое содействие для перехода в «нормальную» гимназию, с зачетом всего сделанного на курсах. Вскоре мы получили, согласованный в нужных инстанциях, план действий, выполнение которого, превратило нескольких курсантов в полноправных воспитанников Реальной гимназии в г. Земуне.

К моему большому сожалению я не запомнил имена всех педагогов учивших нас на Панчевских Курсах, несмотря на то, что их было совсем немного. Особо красочной фигурой несомненно являлся проф. Песоцкий, преподававший математику, начерт. геометрию и космографию. Поговаривали, что в прошлом, он читал лекции в Сорбонне... что нас и губило!

Не всегда учитывая разницу между Сорбонной и Курсами, профессор увлекаясь, часто погружался в такой мелкий шрифт, что повергал в панику всю аудиторию не имевшую возможности уследить за взлетом его мыслей. Обязанности Инспектора и Администратора исполняла Альма Павловна Мильская, преподававшая также Русский яз. и Литературу. Курс Французского языка вел Г. Сетпановский — сравнительно молодой человек с пышной шевелюрой. Как сквозь туман, вижу плотненькую молодую даму в очках, внедрявшую в наши головы географические познания и прилизанную с острым носиком, голову регента хора... Остальные, увы, совершенно испарились из памяти. После своего переезда в г. Земун моя связь с Курсами почти прервалась, но было известно, что все, оставшиеся там до конца, сдавали выпускные экзамены экстернами при гимназии Плетнева в Белграде, после чего Панчевские Курсы прекратили свое десятимесячное существование, дав возможность нескольким десяткам молодых людей лучше устроить свою жизнь.

1923 г. Группа учеников Панчевских Курсов с преподавателями (слева: 2-ой ряд — Степановский, Земляницын, Мильская, Песоцкий).

ОЧЕРК ТРЕТИЙ.

Как непохожи были условия жизни и учения в Земунской Реальной Гимназии на лихорадочную обстановку Панчевских Курсов! После нескольких дней пребывания на новом месте, мне стало казаться, что по какой-то ошибке я попал в гости к... Старосветским Помещикам — настолько все было тихо и мирно.

Преподаватели, начавшие свою деятельность со дня основания З.Р.Г., относились к питомцам, как к собственным детям и вели их сквозь школьные годы к одной и той же цели: — дать младшему поколению возможность прочно встать на ноги, быть готовыми к жизни и не забывать страну в которой они родились.

Я уверен, что все, еще уцелевшие на этом свете, б. воспитанники З.Р.Г., хранят благодарную и признательную память о своих учителях.

Открылась Земунская Реальная Гимназия (Руска Реалка) в конце 1920-го года на средства Всероссийского Союза Городов (председатель В.С.Г. — профессор В. Д. Брянский) и в ней, по началу, имелись только: Детский Сад, приготовительный, первый, второй и третий классы, при общем числе учеников не превышавших трех десятков. Директором был назначен проф. Белгр. У-та, И. М. Малинин, но фактически управление школьными делами, сосредотоилось в руках его супруги, опытного педагога, В. П. Малининой. Хозяйственной частью, заведывала Елена Александровна (фамалию не помню), пользовавшаяся большой популярностью у малышей за свое уменье готовить замечательные «коржики с маком». Руководство Детским Садом и Приготовительным Классом лежало также на ней.

Здание З.Р.Г. находилось на высоком берегу Дуная на очень тихой улице, с редкими домами, виноградниками, и находящимся против фасада школы, обширным старым кладбищем, служившим постоянным напоминанием о непрочности человеческого существования. Дом школы был небольшой и настолько древний, что потолочные балки в некоторых классах подпирались столбами во избежание прогибов и провалов. В классных помещениях занятия велись по принципу: «в тесноте, а не в обиде». Преподавание велось по программе Русских Реальных Училищ прекрасными педагогами,

Первый Выпуск Земунской Гимназии — 1925 г.
(В середине — инспектор С. И. Кучинский).

большинство которых, по совместительству, читали лекции в Белградском У-те.

Общежитие при З.Р.Г. отсутствовало и наша небольшая группа вновь поступивших, разбилась на части, соответственно возможностям чисто жизненного характера. Кое-кто поселился по частным квартирам, а нескольких человек, включая и меня, разместили в нанятом Гимназией небольшом домике на территории кирпичного завода находящегося на окраине города.

Все мы влились в 7-ой кл. З.Р.Г., уже имея в кармане свидетельства об окончании такового, что обеспечило нам, спокойную жизнь до конца учебного года. К доске нас вызывали чрезвычайно редко — единственно, что приходилось делать вместе со всем классом, это писать письменные работы и принимать участие в «культурной жизни» Гимназии. Под руководством преподавателя Рисования и Живописи (и Инспектора Классов) С. И. Кучинского, не раз ставились в костюмах и декорациях, прекрасные спектакли в концертном зале горо-

да и устраивались художественные выставки. В начале занятий в восьмом классе, обстановка в Гимназии резко изменилась от «нашествия иноплеменников»! Нахлынули, по тем или иным причинам, не сдавшие последних экзаменов Панчевские Курсанты, и отдельно от них, большая группа Кадет Крымского Корпуса. Конечно, маленькое здание З.Р.Г. не было в состоянии вместить на 1924-25 учебный год такое большое количество «новичков», что повлекло за собой некоторые перемены, затронувшие, гл. образом, наш матурный класс. Из-за недостатка места вся основная группа такового, была переведена на занятия в здание Сербской Гимназии, находившееся в чудесном парке и в центре города. Все же, вновь поступившие, получили для уроков большой барак, расположенный ближе к Дунаю, сразу за старым домом З.Р.Г. Одновременно с новыми учениками появился «на горизонте» и наш б. Директор (Херцегнови-Панчево), взявший на себя преподавание математики и новичков. Несмотря на то, что занятия велись в разных местах и в различные часы, все шло гладко и без осложнений. Сознавая серьезность предстоящих последних экзаменов, весь наш класс дружно налег на науки, помогая друг другу по вечерам, а иногда получая экстренную помощь и от наших педагогов, проходивших с нами повторно трудные места курса. Время шло быстро. Подошел к концу и учебный год. И вот, 23-го июня, 1925 года, после страхов и волнений, Первый Выпуск З.Р.Г., в количестве семнадцати человек — 4 ученицы и 13-ть учеников — успешно сдал последние экзамены на Аттестат Зрелости.

По рисунку С. И. Кучинского, был заказан прекрасный нагрудный эмалевый значек Гимназии — с золотым двуглавым орлом на верхушке белого ромба, с сине-красным полем внутри такового и буквами В.С.Г. — по форме напоминавший знак Русских У-тов, которым мы с гордостью украсились. Один из жизненных этапов был пройден. Гимназические годы пришли к концу. На смену шло неизвестное, но полное надежд, будущее.

Второй выпуск 1926-го года (16 учеников и учениц) оказался последним. Оставшимся в З.Р.Г. до лета 1927-го года ученикам, пришлось сдавать последние экзамены экстернами в разных учебных заведениях и в разных городах Югославии. Из-за недостатка средств З.Р.Г. была расформирована и прекратила свое существование летом 1927 года.

Заканчивая на этом свои очерки, я приношу искреннюю

благодарность всем б. соученицам и соученикам, снабдившим меня, сохранившимися в их памяти, сведениями. Без их помощи я бы не справился с этой задачей.

А читателей прошу извинить меня за возможно допущенные неточности. «...И как сказал один поэт, — с тех пор прошло не мало лет!»

Ростислав Сазонов.

Списск Преподавателей Русской Реальной Гимназии в г. Земуне.

Математика, Физика — В. С. Жардецкий *)
Математика — Г. Никшич *)
Математика — Буковский *)
Химия, Физич. География — Г. Г. Злокович *)
Русская Литература, История — А. Л. Погодин *)
Теория Словесности, Психология с Логикой —Н. М. Терещенко *)
История (Всеобщая) — М. А. Георгиевский *)
Начертательная Геометрия — А. А. Земляницын
Русский язык (мл. классы) — Л. Ф. Левина
Немецкий язык — К. Т. Генрихсон
Сербский язык — г. Пинтер
Закон Божий и Священная История — о.о. П. Беловидов и Неклюдов
Рисунок и Живопись — С И. Кучинский
Пение — Е. А. Кучинская.

КАДЕТЫ — СЕРБЫ.

В Добое, маленьком боснийском городке, я имел пересадку на другой поезд. Ждать надо было четыре часа, которые я решил использовать для разведки — нет-ли в Добое русской молодежи, которую можно было-бы привлечь в ряды юных разведчиков.

И меня был адрес одного русского генерала, к которому я и отправился. Он не был удивлен моим посещением, потому что во всех случаях, когда надо было обращаться к местным «русам», всех направляли к «русу-генералу».

---

*) Профессора Белградского Университета.

Узнав о цели моего посещения, он, покашляв, сказал: «Разведчики — дело хорошее. У нас в России были сперва «потешные», а потом уже «разведчики». Знал я многих, знал и вашего Пантюхова — он, кажется, Л. Гв. Семеновского полка».

Я поправил: «Олег Иванович 1-го Л. Гв. Стрелкового Его Величества полка».

«Ах, да, я спутал с Назимовым — организатором «потешных».

«Ну, так я должен вас разочаровать: русских детей в Добое нет. Есть, правда, одна девочка, но ей два года, она, так сказать, допризывного возраста. Но вот к кому вам надо обязательно пройти, это к сербам Симичам. Вы, кажется, Сараевского корпуса»?

«Нет, я только из Сараева. Когда я кончал начальную школу, корпус перевели в Белую Церковь».

«Ну, да все равно. Пойдемте, я вас провожу». Симичи встретили генерала радушно. Сын — молодой студент, говорил с нами по-русски. Было заметно, что его родителям, как и всем сербам, приятно, что сын говорит по-русски.

Меня представили, и я первым долгом спросил, откуда молодой Симич так хорошо говорит по-русски?

Он объяснил: «Я был в Кадетском корпусе у генерала Адамовича, но обидно, что не мог его окончить. Пришло распоряжение, что югославы в русском корпусе учиться не смеют.

«Почему»? удивился я.

«Да, был такой случай в Войной Академии (Юнкерское училище). Один преподаватель не в меру увлекался Францией, считая ее единственным другом Югославии. Он не прочь был лягнуть царскую Россию. Раз на лекции, говоря о прорыве в Восточную Пруссию, он неуважительно отозвался о русской армии. Один из юнкеров заметил, что прорыв этот был сделан во имя спасения Франции. Этим он задел лектора за живое. Тот совсем разошелся, стал ругать Россию, говоря, что в политике благородства нет, и что все то, что делала Россия, она делала из корыстных побуждений. Он долго бы еще говорил на эту тему, если бы не неожиданное выступление юнкера-серба, который встал и потребовал в его присутствии не оскорблять памяти царской России. От неожиданности лектор замолчал было, а потом спросил: «какое тебе до этого дело»?

«А такое», ответил юноша, «что я хотя и серб, но в некотором роде **русский. Я русский кадет».**

После такого заявления, лектор устроил скандал; потребовал исключения юнкера из училища. Кончилось все это запрещением югославам учиться в русских кадетских корпусах.

Я стал **«шпаком»,** как говорили наши кадеты. После небольшой паузы, он продолжал: «Я весь сгорел от стыда, когда вернулся домой в штатском и добойские барышни спрашивали меня, почему я не в форме? Я страдал, сторонился от общества. Это заметила моя мать, пожалела меня и отправила к тетке в Белину кончать там гимназию».

До самого моего отъезда мы вспоминали общих знакомых по Сараеву и в этой сербской семье, в которой на почетном месте висели портреты Государя и Его Семьи, я не чувствовал себя ни иностранцем, ни изгнанником.

От себя добавлю, что Русский Кадетский Корпус считался в Югославии одним из лучших учебных заведений, а генерал Адамович пользовался глубоким уважением всего местного населения. Кадетский оркестр часто играл в городском парке и принимал участие в парадах.

Р. Полчанинов.

БИБЛИОГРАФИЯ

«СТУПЕНЯМИ В ПРОШЛОЕ»
(Сборник рассказов А. Мальчевского)

Бывает, что, читая какую-нибудь «новорожденную» книгу, чувствуешь, что хочется высказаться о ней. Бывает и обратное: нет желания писать о новом произведении. И вовсе не потому, что в первом случае произведение превосходно, а во втором что-то не так. Это чувство необъяснимо, но его трудно преодолеть.

Вот передо мной сборник рассказов Алексея Мальчевского, изданный в 1979 году в Сан Франциско, и мне хочется поделиться с читателями мнением об этом произведении. Прежде всего в книге видишь переплет, посмотришь секунду и открываешь книгу. Не так было в этом случае. Взяла в руки бережно, как беру всякую книгу, посмотрела на переплет и задумалась над ним. Автором сделан набросок: угол дома, калитка, ступени... Вероятно те, по которым не раз ходил автор. Заглавие написано вертикально, сверху вниз. И не только интересно, что все это хорошо оформлено, а сразу же невольно чувствуется символика: медленно идет человек по ступеням своей жизни к закату и вот воспоминания ведут его теперь по этим же ступеням в прошлое... Открываю книгу. Эпиграф из Дон Аминадо я бы поставила только к первому рассказу, а не ко всей книге, т. к. в сущности на глаголе «амаре» основан только этот рассказ. Потом воспоминания очень разнообразны и рассказы имеют совсем другой стержень, часто более трагичный и во всяком случае далекий от лирики. На этой первой вещи «Там, где встретились Запад с Востоком» нужно остановиться. 17 страниц — это описание города Сараево, сделанное с большим знанием и с большой любовью. Здесь и географические данные и подробно описанные социальные особенности населения и очаровательные бытовые штрихи, дополняющие общую картину: «Где-то кого-то бьют по невыясненной причине, а жертва побоища истошно голосит»... и т. д.. «Около маленького ларька старик с белой бородой и в чалме, какие носят ходоки на «Чабу» (паломники) в Мекку, продает разные травы и корни от всех заговоров, печалей и болезней» и т. д.. «Из кондитерских тянет запахом горячей баклавы, урмашиц, халвы и других восточных ла-

комств и пряностей»... и т. д.. Всего не перечислить. Вся эта первая часть, как нельзя лучше удалась автору. Отметим прекрасно сделанный перевод известной песни: «Я собрался на Бендбашу»...

После описания Запада и Востока, автор вводит нас в лирико-драматический сюжет своего рассказа. Это юная и светлая любовь, запретная потому, что нельзя победить разделения на Восток и Запад. Действие развивается занимательно и читается расказ с интересом. Искренний тон и непосредственность передачи диалогов вызывает сочувствие и симпатию к молодым героям повести. Только хотелось бы, чтобы автор, использовав какое-нибудь образное сравнение, не повторял бы его, т. к. оно в таком случае становится навязчивым. Сравнение глаз Пакизы с хризолитами в повести повторяется... 6 раз. В своем вступлении автор предупреждает, что допущена какая-то доля «фантазии», но читатель и не требует документации в такого рода рассказе и, поскольку фабула занимательна и хорошо обработана, можно отнести это произведение к большой авторской удаче.

Совсем в другом роде рассказы «Обрывки воспоминаний», «Зарисовки из плена» и «Воспоминания из плена». Здесь автор вспоминает предвоенное и военное время в Югославии и жизнь в плену. Как ни странно, эти годы почти не нашли отражения в литературе, а ведь жизнь в Югославии тогда изобиловала всевозможными событиями, сведения о которых пригодились бы будущим историкам. О жизни русских из Югославии в немецком плену, мне вообще еще не приходилось нигде читать. Рассказы А. Мальчевского в какой-то степени заполняют этот пробел. Думаю, что у многих переживших это время, рассказы эти вызовут соответствующие воспоминания. Написаны они также со знанием положения тех лет и в них даже иногда указано точное время событий: «В конце марта 1941 года я получил повестку»... и т. д.. Типы описаны живо, а диалоги естественны и сочны.

Можно также считать удачей рассказы о бабушке и внуке, где вероятно, все настоящие разговоры бабушки и внучки просто талантливо обработаны автором в виде рассказов.

Несколько слабее произведения «Кремовая рапсодия», «Глории», очень подходящие для газетного фельетона, но не для сборника рассказов.

Общим недостатком книги является избыток «сербизмов», которые близки сердцу каждого жившего прежде в Югосла-

вии, но делают этот сборник очень локальным и недоступным читателям, не знающим сербского языка. Это могло быть во время устранено. Жаль, что набрана книга неодинаково, т. к. собраны произведения уже бывшие в прессе и напечатанные разным шрифтом.

Но — главное, что книга существует и мы с радостью можем поздравить Алексея Мальчевского с рождением этого сборника и от души пожелать успеха и книге и автору.

Нонна Белавина.

ПИСЬМО КАДЕТА — УЧАСТНИКА БЕЛОЙ БОРЬБЫ.

Дорогой Борис — мой однокашник!

Прочел твое письмо с большим удовлетворением. Идея хорошая — описать кадетское служение отчизне в их борьбе за Национальную Россию. Предлагаешь мне встряхнуть шестидесятилетней давностью. Хватит ли у меня бодрой напористости все вспомнить и хотя бы вкратце описать все содеянное и пережитое в те годы? Но нужно дерзнуть!..

Семнадцатый год. Первая рота нашего 2-го Московского Кадетского Корпуса. Слухи ползут о Распутине. Газеты насыщены всякими дрязгами и разлагающими сплетнями...

И вот совершилось, — Революция, отречение Государя, красные флаги, демонстрации, семячки...

Кадетским нутром мы сразу почувствовали трагедию и пропасть, развернувшуюся перед нами и Россией.

На летние каникулы я уезжаю к отцу на Юго-Западный фронт. Там Керенщина, митинги и в полном разгаре разложение... После долгого уговаривания, приказ перейти в наступление (Галиция, Буковина), временный успех, а затем беспорядочное отступление и окончательный развал.

Я возвращаюсь в Москву, в корпус. Там задушевные беседы с друзьями кадетами о судьбах России. Горящие желанием как-то помочь ей, решаем организовать тайную группу по борьбе с разлагающим Россию правительством. (Какие мы были молодые, трогательные оптимисты!).

По ночам роем и расширяем под книжным шкафом нашей «Образной» помещение, где в дальнейшем будет наше убежище. Печатаем на машинке прокламации и воззвания, а в

отпускные дни расклеиваем их по улицам Москвы. Это продолжается, в перемешку с учением, до октября.

Дальше восстание большевиков. Вместе с 1-ым Московским корпусом решаем принять участие в борьбе. Наша 1-ая рота через двери спальни со знаменем и винтовками переходит в 1-ый Моск. Корпус. Нужно сказать, что 1-ый и 2-ой Московские корпуса находились в одном здании бывшего дворца Екатерипенских времен. Начинается оборона корпуса. Выставляются заставы и часовые в сторону парка и плаца. Только два офицера нашего корпуса присоединились к нам. Большевики, поставив орудия около Военной тюрьмы, начали обстреливать Алексеевское Военное училище и кадетские корпуса. У нас орудий нет и мы отстреливаемся из винтовок. Так с переменным успехом продолжается четыре дня. Начинается нехватка в питании, к осаде наши корпуса не были подготовлены, к тому же забастовали служители и дядьки. Узнаем о трагической сдаче Алексеевского Военного училища и 3-го Московского корпуса, тоже находящегося в Лефортове. Начинается агония сопротивления. Нашим начальством ведутся переговоры о ликвидации борьбы на почетных условиях. Сдача нами оружия происходит в швейцарской — груда винтовок, торжествующие и наглые лица матросни и рабочих, затуманенные глаза кадет и все кончено! Начинается другой этап в моей жизни. Прощай родной корпус!

Получив документы — свидетельство об отпуске, пробираюсь домой на Арбат. Радостная встреча с матерью и сестрой. В Москве ходят слухи об избиениях кадет и юнкеров. Очень тревожно, а потому оставаться в городе небезопасно. Укладываю чемодан, прощаюсь с родными и с трудом влезаю в набитый людьми товарный поезд, идущий в направление города Козлова Тамбовской губернии. Там живет мой дядя, от же и крестный, с женой. Здесь много спокойнее, волна преследований еще не докатилась до этого городка. В городе оказались кадеты и других корпусов. Знакомимся, встречаемся, делимся переживаниями. Узнаем о формировании Добровольческой армии в Новочеркасске. Созревает решение пробираться туда. Оставляю записку родным и вечером собираемся на вокзале. Нас 5 человек. Садимся в вагон и поезд трогается. Это было 19-го ноября 1917 года, дата оставшаяся на всю жизнь в памяти.

На полях снег, телеграфные столбы мелькают, собачий холод, вагоны не отапливаются. Но несмотря на все настроение

бодрое, скоро Донская область. Уже на станциях видим усатых подтянутых жандармов и, наконец, цель нашей рискованной вылазки — Новочеркасск. Обращаемся к дежурному по станции офицеру. Он звонит, ждем, через полчаса появляется офицер — штаб-ротмистр Стембок-Фермер. Представляемся, он ведет нас строем на Барачную улицу — лазарет № 2. Там штаб формирующейся Добровольческой армии. В больших лазаретных палатах расположены добровольцы. Там и офицеры, и юнкера, и кадеты, и гимназисты. Видим генералов: Корнилова, Алексеева, Деникина.

Сдаем наше кадетское обмундирование и получаем серые солдатские шинели, папахи и винтовки. В Добрармии я записан 769-ым добровольцем. Есть кадеты и нашего и 1-го, и 2-го Московских корпусов. Неожиданно столкнулся с нашим воспитателем подполковником Матвеевым, он пришел сюда со своими сыновьями. Наша пятерка осталась во взводе Стембок-Фермера, чему мы были очень рады.

Через несколько дней нас грузят в теплушки и отправляют для поддержки наступающих на Ростов. Запомнилась Балабановская роща — это первый бой Добровольческой армии. Под вечер занимаем Ростов. На ночь нас размещают в Московской гостинице на Садовой улице. Залы превращены в спальни. Среди укладывающихся спать есть и женщины. Я смущаюсь, — напротив укладывается хорошенькая девушка из Петрограда. Это первые сюрпризы в новой жизни, постепенно привыкаешь и прилаживаешься.

Утром город пробуждается и жизнь бьет ключом. Ростовское офицерство, попрятавшееся при большевиках, облачается в форму и фланирует по Садовой и наполняет рестораны. Расклеены афиши, призывающие записываться в Добровольческую армию. Но успех относительный, большинство предпочитает продолжать «фланировать» и выжидать. К сожалению сказываются последствия Керенщины, надломившей и частично разложившей офицерство.

В Ростове остались дней десять. Принимали участие в разоружении Запасного батальона пулеметчиков. Операция прошла бескровно, приобрели много оружия и пулеметов, что конечно для нас было важно, т. к. пулеметов у нас не хватало. Потом пришел приказ вернуться снова в Новочеркасск. Там мы были размещены в Казачьем Военном училище. В городе было еще спокойно, но уже чувствовался нажим с севера, где на границах Войска Донского уже начиналась

борьба. Помнится торжественные похороны в соборе очередных жертв, в главном зеленой молодежи... Неизгладимое впечатление осталось от этих похорон, когда в строю отдавали честь и почет павшим в борьбе за отчизну.

Неожиданно меня вызвали в штаб, на Барачную № 2, и там я должен был явиться к полк. Тр..., офицеру Лейб-гвардии Волынского полка. Он бывший кадет нашего корпуса, до революции я бывал в гостях у его сестры. Он дает мне поручение, — отправиться в Москву и связаться там с Х..... и передать ему пакет. На следующий день я сажусь в товарный поезд, переполненный солдатами, возвращающимися с Кавказского фронта. У меня документы солдата Запасного батальона, разоруженного нами, как я уже упоминал, в Ростове. По виду я настоящий революционный солдат, — грязный, в шинели без хлястика, с мешком на плече. Поезд идет на Царицын и ползет до него целые сутки. Среди солдатни есть и озлобленные против «офицерья», они грозят расправиться безжалостно с ними и «белой кадетней». Мой сосед, изрыгающий свою ненависть к нам, к моему везению, не чувствует в моем лице кадета, а то пришлось бы очень плохо.

Наконец, Царицын. Оставляю поезд и брожу по городу, попадаю на рынок. Покупаю кое-что из еды и возвращаюсь на вокзал. Там после упорных попыток влезть в поезд, уговариваю машиниста взять меня на паровоз. Он разрешает мне устроиться на куче угля на тендере. Это мне стоило — коробки папирос Месаксуди (одна из лучших табачных фабрик Старой России). Когда мы были в Ростове хозяин этой фабрики пригласил нас к себе и, расставаясь, подарил каждому по несколько пачек папирос. Так я доезжаю до Козлова, слезаю и дохожу до дома крестного. Радостная встреча, привожу себя в порядок и через день, снабженный мукой, салом и хлебом, направляюсь в Москву. Путешествие проделываю на крыше вагона, а это холодная зима 18-го года. В Москве на вокзале при выходе стоят весы и нужно бросать свой мешок на подставку весов и взвешивать, — что выше дозволенного отбирается. Это борьба с «мешочничеством». На мое счастье 12 часов ночи, полутьма, незаметно подкладываю ногу под весы и тем облегчаю мой мешок. Меня пропускают ничего не отобрав и я выхожу на Казанскую площадь. Раздобыл извозчика. И наконец, я у нашего дома на Сивцевом

Вражке. Стучу, переполох... зажигается свет и бесконечные поцелуи мамы и сестры.

Через день иду по указанному адресу и передаю пакет. Вступаю в тайную организацию, состоящую из ячеек в пять человек. Из всей организации я знаю только членов нашей пятерки. Только один из нас имеет связь с одним из вышестоящих. Начинается другая деятельность. Проникая с черного хода в наш корпус, нахожу с десяток кадет моего класса, обрисовываю положение на Дону и призываю к борьбе. Организуется ячейка по нашей работе. Конечно, в такой деятельности было много риска, но Бог миловал и до мая 1918-го года все проходило для нашей пятерки благополучно. Но в мае один из наших кадет был арестован и необходимо было исчезнуть из родной Москвы. С одним юнкером Елизаветградского училища пробираемся на Брянский вокзал и втискиваемся в поезд, идущий к границе с Украиной. Недоезжая границы с Украиной, вылезаем и пешим порядком проходим нейтральную зону в 5 километров. Дальше уже свободная от большевиков Украина. На следующей станции видим первых немецких часовых и гетманских жандармов. Изобилие белого хлеба и молока. Подкрепляемся и садимся в поезд на Киев. «Московско — Донская» эпопея счастливо закончена. Г. С.

Примечание: письмо, полученное Борисом Павловым.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

В № 23 помещен некролог о скончавшемся капитане М. В. Абамеликове, в котором сказано что по окончании Киевского Владимирского Кадетского Корпуса в 1911 году он поступил в Софийское пехотное училище, такого училища в Императорской России никогда не было, а было единственное в то время в Киеве училище **Киевское Военное Училище,** которое покойник и окончил в 1913 году.

Также не было 2-го Донского Императора Александра III кадетского корпуса, что и доказывает номерация выпусков окончивших этот славный корпус в эмиграции. Существовавший в эмиграции **Донской** является продолжением корпуса в Новочеркаске.

К сведению Бертельса: в кавалерии не было отдания чести «по ефрейторски». **Лев Ольховский.**

Симбирского кад. кор. вып. 1915 г.

Редакция очень благодарна ротмистру Л. Ольховскому за его указания. Относительно 2-го Донского Корпуса даем следующее пояснение:

2-ой Донской К. К. был основан ген.-м. Рыковским в Новочеркаске в 1920 году из оставшихся кадет Донского Имп. Александра III К. К. эвакуированного в Египет. Корпус был утвержден под названием 2-ой Донской К. К. донским атаманом и вывезен вначале в город Евпаторию, а затем в Югославию. В отличие от основного корпуса 2-ой Донской не носил вензелей на погонах. В 1922 году после расформирования основного корпуса в Египте, распоряжением донского атамана, корпусу в Югославии было присвоено старое наименование и погон.

(См. «Кадетские Корпуса за Рубежом» стр. 238-248).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ 20. V. 80.

Дорогой мой Валентин Георгиевич?

Недавно получил я чудно упакованный пакет с 4-мя экземплярами «Переклички» № 24, о чем тороплюсь известить Тебя и одновременно поблагодарить, как за него, так и за доставку «by air mail». Тут же перелистнув один №, я обратил особое внимание на 1-ю страницу, т. е. на обращение редактора с вполне понятной и вынужденной просьбой ко всем о помощи издательству. При раздаче журнала своим подписчикам я обратил их внимание на это. Ввиду того, что в данное время мы не предвидим новых подписчиков, мы решили со своей стороны притти на помощь редакции хотя бы деньгами, а потому я прилагаю при сем банковский чек на 75,00 амер. дол. Грустно, конечно, сознавать, что слишком много кадет не поддерживают свое же дело и будет очень жаль, если действительно, редакции придется сократить содержание журнала, а позже, вероятно, повысить подписную цену.

Хочется, всетаки, надееться, что и другие отнесутся серезно и с должной симпатией к упомянутому обращению. Сердечно благодарю также за трогательную приписку Твою и Козякина с Вашим приветом и добрыми мне пожеланиями. В свою очередь очень прошу принять и передать мой взаимный дружественный привет всем однокашникам, вообще, а в частности и особенно бывшим Крымцам.

Готовый к услугам Ваш **В. Тихомиров.**

(Полк. В. П. Тихомиров бывший офицер — воспитатель Крымского Кад. Корпуса).

РЕДАКТОРУ «ПЕРЕКЛИЧКИ»

Дорогой Коля!

На третьей странице «Переклички» № 24 ты жалуешься на тяжелое материальное положение редакции. Ты пишешь, что «и друзья нас не забывают и материалы для издания имеем и идей много, но типография увеличила свои ставки и мы опять у разбитого корыта. Есть правда еще одна надежда. А, вдруг, случится неслучаемое и все наши представители и друзья увеличат число постоянных подписчиков. **Всего только на сто человек.**

Прочтя этот крик о помощи, кадеты венесуэльского объединения решили немедленно отозваться и помочь «Перекличке». Твое желание приобрести сто новых подписчиков нам кажется легко осуществимым. Если все объединения обяжутся выписывать, скажем, по десяти добавочных номеров, то ты получишь ожидаемые средства и «здоровый и пузатый журнал вновь появится у нас на столе». Какие прекрасные перспективы . . .

Неужели мы, кадеты Венесуэлы, США, Канады, Бразилии, Аргентины, Бельгии, Франции, Германии, Австрии, Испании и Австралии не можем обезпечить тебе этих подписчиков? Мы предлагаем:

1. Создать «подарочный фонд» Переклички.
2. Вносить в этот фонд от каждого объединения известную сумму денег.
3. Собирать адреса кадет или друзей, желающих получать «Перекличку» и неимеющих возможности ее выписывать.
4. Высылать «здоровый и пузатый журнал» безплатно однокашникам или друзьям.

Надеюсь на честь быть первыми участниками этого фонда, посылаем тебе 114 долларов соответствующих годовой подписке (включая почтовые расходы) на десять «Переклички» за 1980 год.

Крепко тебя обнимаю, твой
Ю. Щербович-Вечор.

Редакция с благодарностью принимает предложение Венецуэльского Объединения и основывает «подарочный фонд» Четырем лицам журнал уже выслан.

В фонд журнала поступили следующие пожертвования.

От 4-х подписчиков из Аделаиды (Австралия) через полк. В. П. Тихомирова	75. —
Венецуэльское Объединение	114. —
Борис Ганусовский	54. —
Сергей Муравьев	120. —
М. Л.	8. —
Итого	351. —

ХРОНИКА

Ответ на поздравление с юбилеем старшего Княже-Константиновца в г. Мельбурне.

Ваше Благословение отец Димитрий,
дорогие дамы, почетные гости и однокашники!

От имени Княже-Константиновцев в Мельбурне приношу сердечную благодарность Грише Чикалову и вам всем за поздравление с юбилейной датой основания нашего корпуса.

Хотя мы сегодня отмечаем 50-ти летие основания Вл. Кн. Константина Константиновича кадетского корпуса, корпус просуществовал только до конца Второй мировой войны. За этот короткий период времени, славный корпус подготовил и выпустил на жизненный путь сотни молодых русских людей, национально и православно воспитанных, благодаря заботам о русских короля-витязя Александра I, Югославского.

Заботы короля Александра I распространялись и на другие корпуса, женские институты и русские гимназии... и целое поколение молодых русских людей получило образование и не утратило чувство национальности! Теперь, особенно, мы ценим все сделанное для нас, когда видим, что при всех наших усилиях, наши дети все же говорят с акцентом и им чужды русские традиции.

К сожаление, многие русские люди и, в особенности, молодое поколение забывают, что свободная жизнь и материальное благополучие, которое они имеют в эмиграции — добыто жертвами и страданиями Белых анти-коммунистических Армий в период гражданской войны и Русских Освободительных Армий периода Второй мировой войны, под защитой которых они или их родители благополучно эмигрировали заграницу.

Время и годы неумолимо-сурово уносят из нашей среды тех старых ветеранов, которые боролись за честь России. Потому, надо приветствовать решение 6-го Кадетского Съезда: считать кадет восприемниками старых героев-воинов, подхватить из дряхлеющих рук национальное знамя, встать на защиту Родины и продолжать борьбу за русское национальное дело, за русское Православное Царство!

Это наш долг перед королем Александром I, перед павшими героями Белой борьбы, перед многострадальной Родиной, ожидающей нашей помощи в борьбе с узурпаторами России, которые чужды нам и по духу и, часто, по национальности и религии.

Дай Бог нам увидеть Россию свободной, всенародно-счастливой и благоустроенной, а корпус наш вновь процветающим. Тогда будет у нас настоящий «юбилей»!

А пока, поднимем бокал о здравии друг друга и за всех кадет российских корпусов и да не убоимся возложенного на нас завета!

Кадет 16-го вып. П. Р. В. К. К. К. кад. корп.

Игорь Охотин.

16-12-1979 г. Мельбурн.

ОТДЕЛ РОЗЫСКОВ

Всех кадет Донского Кад. Корпуса приветствует Михаил Боровский преподаватель русского языка. Кто его помнит, пусть напишет ему по адресу:

M. Borovski, Gimnazija, Čačak, Yugoslavia 32000.

Алексей Васильев 10-го выпуска Крымского и 1-го Русского Кадетских корпусов просит старых друзей откликнуться по адресу:

Mr. A. Wild, 135 Abbett St., Scarborough 6019,
W. Australia.

Кадета Анатолия Луполова разыскивает мать. По последним сведениям он был в 1929 году в 6-ом классе Донского Кадетского Корпуса. Сведения посылать по адресу:

P. Gattenberger, 4434 Fulton st., Apt. 6, San Francisco,
Ca. 94121, U. S. A.

ОБО ВСЕМ ПОНЕМНОГУ.

По просьбе персидского шаха Император Александр II командировал в Персию полк. ген. штаба Домантовича с несколькими урядниками, которые 1-го июля 1879 года основали там «Персидскую Казачью Его Величества Персидского Шаха Бригаду». Командиром бригады всегда назначался офицер ген. штаба, одновременно бывший российским военным агентом в Персии.

Обучение было в руках русских инструкторов. Содержалась бригада на средства русского правительства.

При бригаде вскоре был основан кадетский корпус в составе 6-ти классов преподавание в котором велось на русском языке, кроме предметов связанных с персидской культурой. По окончании корпуса кадеты производились в офицеры персидской армии. Все они свободно говорили по-русски и были воспитаны в духе Российских Кадетских Корпусов.

В 1916 году бригада была переименована в дивизию и при Кадетском Корпусе открыт седьмой класс. С 1918 года дивизией командовал полк. Старосельский. Когда в 1920 году, по требованию Англии русских офицеров удалили со службы, дивизию принял Реза-хан, будущий шах и основатель последней династии. Вскоре дивизия была расформирована англичанами и корпус закрыт.

Сведения взяты из статьи
«Персидская Казачья Бригада»
Арслан-бек-Эллису, «Н. Р. Сл.»

—

Регулярная артиллерия была основана в России в 1695 г. имп. Петром I, организовавшим при Преображенскомъ полку артиллерийскую роту из 16 мортир и 4 пушек. Капитаном роты до 1706 года был Петр I.

—

Не только Моисей, но и Наполеон пересек Красное море по суху. Когда сильный ветер совпадал с отливом морское дно в узком и мелком проливе около г. Суэца изредка обнажалось. После прорытия Суэцкого канала морское дно в этом месте было углублено до 35-ти футов.

—

Слово «солдат» происходит от названия итальянской монеты «soldo», которой расплачивались с воинами за их службу. Когда Петр Великий решил принимать в роту «потешных»

взрослых волонтеров, первым он принял придворного служащего Сергея Леонтиевича Бухвостова и назвал его «первым русским солдатом». Бухвостов дослужился до чина майора.

—

Соединенные Штаты заплатили России 7,5 миллионов долларов за купленную Аляску, территория которой составляет 590,000 кв. миль. В 1917 году, США откупили у Дании Виргинские острова и заплатили 25 миллионов за 133 кв. мили. По этому расчету одна кв. миля нефтеносной Аляски стоила меньше 13 долларов, а кв. миля островов 187,000 дол..

—

Ген. Спиридович в своей книге «Великая Война и Февральская Революция 1914-1917 г.г.» писал о событиях предшествовавших отречению Государя следующее:

«Уговаривая столь зависимых от Ставки главнокомандующих воздействовать на Государя с целью добиться «добровольного» отречения, генерал Алексеев пытался привлечь к этому воздействию и начальника Морского штаба при Ставке адмирала Русина, непоколебимого в верности и честности человека, которого очень ценил и уважал Государь.

Не будучи подчинен Алексееву, Русин держал себя в Ставке очень достойно, независимо и самостоятельно.

Утром адмирал Русин был приглашен к генералу Алексееву. Алексеев рассказал, что Государь задержан в пути, находится во Пскове и ему из Петрограда предъявлены требования.

«Что же требуют? Ответственного министерства?» — спросил адмирал.

— «Нет. Больше. Требуют отречения», — ответил Алексеев.

— «Какой ужас! Какое несчастье!» — воскликнул Русин.

Алексеев спокойно и невозмутимо молчал. Разговор оборвался. Собеседники поняли друг друга. Русин встал, попрощался и вышел из кабинета, даже не спросив для чего, собственно, его приглашал Алексеев.

Так рассказывал об этой сцене автору сам адмирал Русин, — писал Спиридович.

Когда были получены ответы главкомов и отредактирована общая телеграмма Государю, то перед ее отправкой «под ней предложили подписаться и адмиралу Русину, от чего адмирал Русин с негодованием отказался, считая обращение с подобной просьбой, изменой Государю Императору». (Стр. 282, 283.).

Об этом случае Алексеев доложил Великому Князю Николаю Николаевичу, когда он приехал в Ставку после отречения Государя...

Великий Князь «указал сместить адмирала Русина с должности начальника Морского штаба Верховного Главнокомандующего». (П. Кондзеровский — «В Ставке Верховного», стр. 116).

Сообщил полк. М. Бугураев.
«Русская Жизнь».

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Вечная память ушедшим однокашникам!

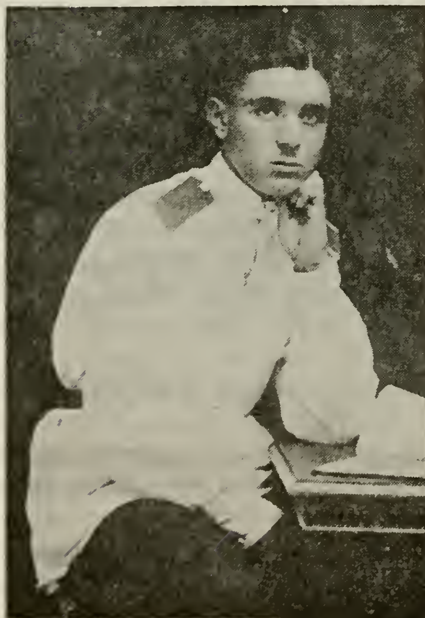
В Нью-Йорке 16 января 1980 г. на 95-ом году жизни скончался старейший кадет Второго Оренбургского Кадетского Корпуса и Павловского Военного Училища

полк. ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ КРАШЕНИННИКОВ

—

В Торонто, Канада, — 31-го декабря 1979 г. скончался

ДАМИАН ИВАНОВИЧ ПИСКУН,

последний традиционный «генерал» полтавцев. Петровского Полтавского и Крымского кадетских корпусов, выпуска 1925 года.

Дема много помогал в работе торонтского кадетского объединения и был одним из его основателей. В памяти у всех он останется как отзывчивый человек, искренний и добрый товарищ. Кадетское объединение г. Торонто выражает глубокое сочувствие супруге и детям с семьями.

Вечная память дорогому другу!

В Вашингтоне США 17-го мая 1980 г. скончался

Корнет ЛЕВ ВИКТОРОВИЧ СЕРДАКОВСКИЙ

Кадет Тифлисского Корпуса, окончивший с первым выпуском Крымский Кадетский Корпус.

Крымцы глубоко скорбят об ушедшем навсегда старшем кадете, служившим нам всем примером и вместе с Нью-Йоркским Кадетским Объединением выражают искреннее соболезнование Ксении Георгиевне и родственникам покойного.

ТРАУРНАЯ ЗАМЕТКА

23-го ноября 1979 г. в Брюсселе скончался в ун.-оф. 2-го выпуска Русского Кадетского Корпуса

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ШИМКОВИЧ

Мы впервые встретились с ним в гор. Панчево в Югославии куда он был эвакуирован со второй ротой Полоцкого Кад. Корпуса входившей в состав Одесского Корпуса. Вместе мы переехали в Сараево, где соединились с Киевским Кад. Корпусом.

По окончании Корпуса в 1921 году два года вместе были в Белграде, где учились и работали. В 1923 году «четверка пионеров», как нас называл ген. Адамович (нас двое, П. Марков и Б. Кошелев) полулегальным путем уехали в Бельгию, где проложили дорогу в университеты для наших младших однокашников. Федя получил в Генте диплом инженера-строителя и в 1928 г. уехал в Бельгийское Конго, где проработал до независимости колонии в 1960 году, он был на очень хорошем счету. Имел семь орденов до «Золотой Звезды» включительно.

В Конго дом их славился гостеприимством. Валентина Александровна, супруга Феди, устраивала замечательные приемы, а он пел под аккомпанимент своей гитары. Уезжая из Конго в 1960 году они все потеряли и по приезде в Бельгию им пришлось обзаводиться новым хозяйством. В Бельгии Федя работал в министерстве до выхода на пенсию, а затем продолжал работать в частных фирмах.

Валя и Федя принимали большое участие в жизни Кадетского Объединения. В нем я всегда находил поддержку. Федя

был глубоко религиозным человеком и до последнего времени пел в церковном хоре

Мир праху твоему, дорогой друг и товарищ. Пусть будет тебе легка чуждая земля.

Супруге Валентине Александровне и детям Наташе и Сереже Объединение Кадет Российских Кад. Корпусов в Бельгии выражает искреннее соболезнование.

Г. Гуторович.

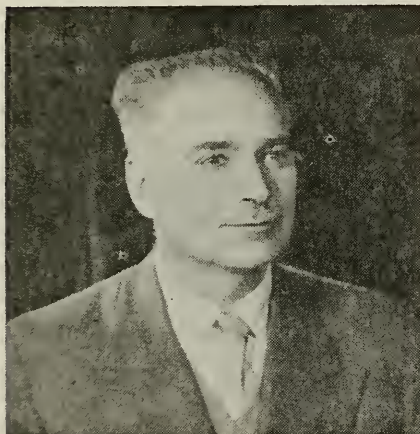
—

В гор. Панчево, Югославия в ноябре 1979 г. скончался

ПЕТР МАЗАЕВ

Вице-унтер-офицер Крымского Кадетского Корпуса, выпуска 1925 г. Кадровый офицер югославской армии, окончивший военную Академию в Белграде в 1928 г.

НЕКРОЛОГ

15 мая 1979 года, от сердечного припадка, скончался

Леонид Леонидович

ПАВЛОВСКИЙ,

кадет 10-го выпуска Первого Русского Вел. Кн. Конст. Конст. кадетского Корпуса.

Л. Л. родился 24 января 1910 года в г. Одесса, в семье полковника Импер. Армии, погибшего в Гражданскую войну.

В 1920 году с матерью и сестрой эвакуировался в Турцию, прожив там три тяжелых года.

В 1923 году семья переехала в Югославию, и благодаря попечительству Митрополита Антония, был принят в Первый Русский Кадетский Корпус, закончив его в 1930 году в г. Белая Церковь.

Закончив техническую школу в г. Белграде, служил в техн. отделе городского управления г. Ниша. В 1941 году во время бомбардировок города немецкой авиацией, принимал горячее участие с веренной ему командой — «Посивна одбрана

од напада из ваздуха» — по спасению из развалин пострадавших жителей.

В 1944 году, будучи уже женатым и имея двух детей, переехал в Австрию, где работал физическим трудом на лесоразработке совместно с советскими и французскими военнопленными. По окончании войны основался в лагере Д. П., работая по своей специальности. Благодаря хорошей атестации английского коменданта, назначается начальником двух лагерей Д. П..

В 1948 году переехал с семьей в Аргентину и сдав экзамен при строительной фирме в Буэнос Айресе, работал как руководитель построек в военной зоне на юге страны. Работа тяжелая и ответственная, фундамент закладывался в воде океана во время отлива.

В 1954 году постройка закончена, но Л. Л. заболевает высоким давлением и по совету врачей переезжает в Буэнос Айрес, где сдав экзамен, поступает в инспекцию на военном заводе в Сан Мартин. Ответственная работа связанная с нервами и интригами, возвращает болезнь и врачебная комиссия увольняет его на пенсию.

По характеру скромный, выдержанный, исполнительный, отзывчивый, высокой человеческой морали примерный семьянин, верный Императорской России, и до конца дней своих остававшийся преданным Кадетской Семье, так рано ушел от нас оставив о себе светлую память у тех, с кем встречался в жизни.

Отпевание совершил о. Владимир Шленев в храме Св. Сергия Радонежского. Тело усопшаго было погребено на кладбище Сан Мартин в г. Буэнос Айрес при множестве друзей, знакомых и сослуживцев Кадетское Объединение во главе с председателем, Сергеем Якимовичем, оказало теплое внимание семье усопшего.

С чувством глубокой скорби, приношу Людмиле Вадимовне и дочерям, искреннее соболезнование, и желаю им смиренно принять Волю Всевышнего в ниспослании им тяжелого горя. А теперь Дорогой Леня! прийми мое «Последнее прости». Нас связала судьба в лихолетии на нашей Отчизне. Детские годы, проведенные совместно в Турции в лагере Селимье, остались вечно в моей памяти. О наших забавах, скаутских лагерях на острове Халки, школе, плавании на средину Босфора, походах, — многое я позабыл, но Твое послед-

нее письмо, посланное мне Людмилой Вадимовной после Твоей смерти, — напоминало мне о позабытом. С детства у Тебя было чувство отзывчивости. Яркий пример этому пожар в Скутари, где Ты, невзирая на опасность, спасал имущество бедных горожан, будучи тогда 10-тилетним мальчиком. Ты был мой однокашник и одноклассник по Корпусу, но несмотря на это, самое яркое, самое приятное воспоминание о Тебе осталось у меня с поры нашего детства. Это и понятно, т. к. недавняя потеря наших отцов и пережитое нами на Родине, а дальше полунищенское существование в Турции сроднили нас и поэтому детская дружба не могла угаснуть в наших сердцах.

Спи спокойно дорогой Друг и да будет Тебе легка чужая земля вдали от горячо-любимой Отчизны.

Шура Политанский.

ПАМЯТИ БОРИСА ВАЛЕРЬЯНОВИЧА ЧАРКОВСКОГО

Б. В. Чарковский родился 15-го января 1893 года в Киеве в военной семье. В 1912 году окончил Киевский кадетский корпус. Потом 1912 г., как раз накануне войны, Киевское пехотное училище, которое окончил портупей-юнкером. Вышел в 17-ый Архангелогородский пехотный полк и с ним в августе 1914 г. выступил на Галицийский фронт. Ему не повезло, под Краковым, в одном из первых боев, он был тяжело ранен. Наши временно отступали, он остался на поле сражени и так попал в плен к австрийцам. Просидел в плену 3 года. В начале 17-го года, будучи в то время полным инвалидом, был выменен на раненого австрийского офицера и вернулся в родной Киев, где и встретил революцию. Осенью 18-го года, когда капитулировала Германия, Украина Скоропадского, без особенных усилий со стороны Петлюры и большевиков, затрещала по всем швам. У гетмана Скоропадского защитников не оказалось. Для обороны Киева из офицеров, кадет и гимназистов (совсем не «щирых» украинцев) был сформирован отряд. В него добровольцем поступил и пор. Чарковский со своим братом. При полной апатии руководства и неразберихи, из обороны ничего путного не получилось. Киев был занят Петлюрой и весь отряд защит-

ников города попал в плен. Многим грозил расстрел, но спасли немцы, которые их вывезли в Германию. Им было обещано, что их оттуда переправят на Юг, в армию Деникина.

Первый эшелон был отправлен и с ним уехал брат Чарковского. Там он при взятии Добровольцами своего родного Киева был убит.

Обещанный второй эшелон (на первый из-за состояния здоровья Б. В. не попал) не был отправлен и таким образом Б. В. застрял в Германии, где сначала работал как водитель такси.

В двадцатые годы, как известно, Берлин был одним из главных культурных центров русской эмиграции, в нем выходили русские журналы и газеты, открывались русские издательства. Чарковский изучил печатное дело и потом работал как технический сотрудник в газете «Руль», в издательстве «Слово». «Геликон» и под конец в «Новом Слове». Во время войны он много помогал новым беженцам из России, многим помог выбраться из немецкого плена и как-то приспособился к новой жизни. Участвовал во Власовском Движении, где сотрудничал в пропагандном отделе. В Карлсбаде ему Власовым было поручено создать русскую типографию, что им и было сделано. К сожалению она не пригодилась — Карлсбад был вскоре оставлен, там же осталась и его типография.

Потом тяжелые годы послевоенной Германии и наконец США. В начале имел в Сан Франциско небольшой книжный магазин «Слово». Потом вышел на пенсию и переехал в Монтерей, где и скончался 24 ноября 1979 года, там же и похоронен.

Борис Павлов.

LUX
LIBERTAS

Printed by "Monastery Press". 8011 Champagneur Ave., Montreal, Quebec. H3N 2K4. CANADA.